

რ

№9

Сентябрь 2022

УССКИЙ КЛУБ

Стр. 44

ИГРОК
ТРЕХ
ПОКОЛЕНИЙ

1000

 ВТБ

РЕДАКЦИЯ

Грузия 0105, Тбилиси,
пр. Руставели, 2
тел./факс: (995 32) 293-43-36
E-mail: rusculture@mail.ru
www.rcmagazine.ge
www.russianclub.ge

Главный редактор
Нина ШАДУРИ-ЗАРДАЛИШВИЛИ

Заместитель главного редактора
Владимир ГОЛОВИН

Редакционная коллегия:

Алла БЕЖЕНЦЕВА
Инна БЕЗИРГАНОВА
Эмзар КВИТАИШВИЛИ
Михаил ЛЯШЕНКО

Дизайн и верстка
Давид ЭЛБАКИДZE-МАЧАВАРИАНИ

Допечатная подготовка
Елена ГАЛАШЕВСКАЯ

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА «РУССКИЙ КЛУБ»

Грузия
ЗУРАБ АБАШИДZE
ВАЖА АЗАРАШВИЛИ
НАНИ БРЕГВАДZE
ГУДЖА БУБУТЕИШВИЛИ
РОИН МЕТРЕВЕЛИ
ИРМА СОХАДZE
АЛЕКСАНДР ЭБАНОИДZE

Армения
КАРИНЭ ХАЛАТОВА

Беларусь
ВАЛЕНТИНА ПОЛИКАНИНА

Великобритания
**КНЯЗЬ НИКИТА ЛОБАНОВ-
РОСТОВСКИЙ**

Израиль
ДАВИД МАРКИШ

Россия
ЗАУР КВИЖИНАДZE
ЕЛЕН ДОРИС

Франция
ГРАФ ПЕТР ШЕРЕМЕТЕВ

© ПРИ ПЕРЕПЕЧАТКЕ ССЫЛКА НА
«РУССКИЙ КЛУБ» ОБЯЗАТЕЛЬНА

В ТОРГОВУЮ СЕТЬ ЖУРНАЛ НЕ ПОСТУПАЕТ

ISSN 1512-2972

UDS: 008.1(47922:470)
C-24

РУССКИЙ КЛУБ

№9
(2021)
Сентябрь 2022

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ
МЕЖДУНАРОДНЫЙ КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ СОЮЗ «РУССКИЙ КЛУБ»

РУКОВОДИТЕЛЬ ПРОЕКТА
НИКОЛАЙ СВЕНТИЦКИЙ

«**რუსული კლუბი**»

საზოგადოებრივ-მხატვრული გამოცემა

СОДЕРЖАНИЕ

- 4 ОТ А ДО Я
РОБ АВАДЯЕВ
- 6 ДВАЖДЫ КРЕЩЕННЫЙ
ЕЛЕНА КИРИЯ
- 8 РУССКАЯ ЛЕГЕНДА ТУНИСА
НИКОЛАЙ СВЕНТИЦКИЙ
- 14 БОГЕМСКАЯ РОЩА И КОЛХИДСКИЕ ТАЙНЫ
- 15 РАССКАЖИ МНЕ О ГРУЗИИ...
АЛЕКСАНДР ЭБАНОИДZE
- 19 ИГРАТЬ «ПО-ЖИВОМУ...»
ИННА БЕЗИРГАНОВА
- 24 ИЛЛЮЗИЯ НЕБЫТИЯ
ОЛЬГА КИРИЧКОВА
- 27 «СТЕР ВУ СТЕР» СЛАВЫ СТЕПНОВА
- 28 ТЕ ИМЕНА, ЧТО ТЫ СБЕРЕГ
ВЛАДИМИР ГОЛОВИН
- 34 ИТАЛЬЯНСКИЙ ЛЕТОПИСЕЦ СРЕДНЕВЕКОВОЙ ГРУЗИИ
КЕТЕВАН МГЕБРИШВИЛИ
- 39 ЩЕДРОСТЬ ДЫХАНИЯ
АЛЕНА ДЕНЯГА
- 40 НЕРАЗБАВЛЕННОЕ ВИНО КИТЫ БУАЧИДZE
ВАХТАНГ БУАЧИДZE
- 44 ИГРОК ТРЕХ ПОКОЛЕНИЙ
ДЕМИКО ЛОЛАДZE
- 50 О ЧЕМ НАПОМНИЛ СЕНТЯБРЬ
ВЛАДИМИР ТАВАДZE
- 53 ОПАЛЕННЫЕ ОГНЕМ, УВЕНЧАННЫЕ СЛОВОЙ
БОРИС ШАХНАЗАРОВ

На обложке – АВТАНДИЛ ГОГОБЕРИДZE

от а до я

Роб АВАДЯЕВ

ТОЛСТОЙ-АМЕРИКАНЕЦ

Занятно, что многим любителям истории больше интересны мерзавцы, отъявленные злодеи или, как сейчас говорит молодежь, фрики. От безумного императора Калигулы и развратного Нерона, до Ричарда III и Ивана Грозного. Интересны бывают и негодяи поменьше. Скорее всего, злодеи обычным людям попросту кажутся интереснее и ярче, чем позитивные персонажи. Сегодня мы вспомним об одном весьма неординарном человеке с яркой противоречивой судьбой, жившем в начале девятнадцатого века в России. О нем гениальный А.С. Грибоедов в своем «Горе от ума» написал так:

Не надо называть,
узнаешь по портрету:
Ночной разбойник, дуэлист,
В Камчатку сослан был,
вернулся алеутом,
И крепко на руку не чист;
Да умный человек
не может быть не плутом.

И решительно все современники сразу узнали в этом портрете знаменитого авантюриста Федора Ивановича Толстого-Американца. Уж это был фрик из фриков: храбрец и искатель приключений, задира и скандалист, отчаянный дуэлянт, прекрасный стрелок и умелый фехтовальщик, герой в войне, талантливый картежник. Он с ранней юности слыл «позором семьи», хоть и был очень талантливым. Но со своим неугомонным характером он вечно попадал в неприятные истории. То проводил ночи за игровым столом, то устраивал пьяные кутежи, то без конца, по поводу и без повода, дрался на поединках. И даже угонял воздушный шар. Но в итоге, угодил в неприятную историю – заколол на дуэли полковника своего Преображенского полка. Чтобы «отмазать» от суда и ссылки, родственники устроили его в команду первой российской кругосветки под началом адмирала Ивана Крузенштерна. Только бы молодой балбес несколько лет не показывался в столицах.

Большей пакости великому мореплавателю они сделать не могли – делать на корабле Феденьке было нечего, и он «отрывался по полной» – организовывал шумные попойки, затевал ссоры, на одном из южных островов покрыл все тело экзотическими татуировками, сподобил корабельного священника и припечатал его бороду сургучной печатью к палубе. Пришлось бороду отстригать под подбородок, ибо нарушать адмиральскую печать нельзя по уставу. А на финал Толстой обучил симпатичного орангутанга мараить листы чернилами и запер его в капитанской каюте с судовым журналом. Обезьянка испортила с десяток важных записей. Тут несчастный Крузенштерн решил, что с него хватит, и посадил Толстого на остров рядом с Аляской.

Юный наглец, ставший Робинзоном, помахал уходящему кораблю шляпой и отправился вглубь острова на поиски приключений. А там жили алеуты. Их восхитили Феденькины татуировки, и они решили, что такой человек должен стать их вождем. Но через несколько месяцев прибыли на корабле русские купцы и, на счастье туземцев, увезли на Камчатку веселого авантюриста. Он полгода «посуху» добирался до Питера и даже успел попасть на торжественный бал в честь возвращения Крузенштерна из плавания – представьте выражение лица морского волка.

Толстой со своими татуировками, рассказами о неведомых морях и своих приключениях стал модной фигурой в столичных салонах, где к нему навсегда прилепилось прозвище Американец. Но от военной службы его никто не избавлял. Во-

евал он храбро – в русско-шведской войне 1808-09 годов, в ряде военных конфликтов и в Отечественной войне 1812 года. При Бородине был ранен в ногу, в заграничном походе стал полковником, награжден Георгием четвертой степени и ушел в отставку, обосновавшись в Москве. И все пошло, как встарь – карты, попойки, романы, дуэли. Говорят, он дрался больше сотни раз и убил одиннадцать человек. По крайней мере, известно, что у него был их поминальный список – синодик с их именами.

Когда же он женился, то и здесь соригинальничал, выбрав в жены цыганку-певицу. У него народилось двенадцать детей, и одиннадцать умерли в младенчестве. Американец посчитал, что это божья кара за одиннадцать убитых на дуэлях, и помечал в синодике смерть своих детей напротив каждой жертвы словом «квит». Двенадцатая девочка – Прасковья дожила до глубокой старости. Что касается портрета в комедии «Горе от ума», то Толстой был не обижен, а даже польщен. Только ему не понравилось про «на руку не чист». Он даже попенял Грибоедову: «Что же ты, братец, меня так ославил. Теперь будут от меня прятать со стола золотые табакерки, а я всего лишь в картишки плутую. Согласись, ведь только дураки играют на счастье, а ошибки фортуны надо исправлять».

С Пушкиным они то ссорились до вызова на дуэль, то мирились. А потом и вовсе Толстой стал его сватом в женитьбе на Наталье Гончаровой. Такой вот неоднозначный был человек. Кстати, он приятельствовал с молодым Герценом, а его двоюродным племянником был великий русский писатель Лев Толстой, который как-то он сказал о нем: «Американец» был человек необыкновенный, преступный... и привлекательный».

ПРОДЕЛКИ ТРЕХ КУЗЕНОВ

Многие читали в детстве чудную и грустную сказку про мальчика Алешу и черную курицу. Это была одна из первых детских книжек в русской литературе. Ее написал Антоний Погорельский – под таким псевдонимом писал талантливый и умный Алексей Алексеевич Перовский, происходивший из боковой ветви богатейшего рода графов Разумовских. Он был внуком последнего гетмана Войска Запорожского Кирилла Разумовского, брата Алексея Григорьевича – тайного мужа императрицы Елизаветы.

Книжку «Черная курица, или Подземные жители» Антоний Погорельский сочинил для двух мальчиков – Алеши и Саши. Алешей был

его племянник, будущий выдающийся писатель Алексей Константинович Толстой, между прочим, родившийся 205 лет назад 5 сентября 1817 года, а Сашей – будущий император Александр II. Да, эти двое дружили всю жизнь. Сыну императора Николая Павловича требовались товарищи для игр, а семья Перовских была близка к царскому дому.

Мальчики носились по царским дворцам. Саша должен был быть постоянно сдержанным, как и положено будущему монарху, а более активный Леша его все время тормошил и веселил. Он был необычайно силен и легко таскал на руках аж двух человек, с легкостью двигал тяжеленные комоды и шкафы, и бороться умел, как взрослый. Говорят, сам Николай I, человек не хилый, любил с ним побороться. А дядя-писатель, воспитывавший Алешу был, хоть и добрым, но строгим. В частности, он выделял племяннику совсем немного карманных денег и никогда не баловал. Был даже случай, когда Алеше, чтобы купить какую-то очень понравившуюся дорогую вещь, пришлось продать коллекцию медалей.

Погорельский заметил, что оба мальчика частенько не учат уроков, а, обладая прекрасной памятью, просто запоминают учебный материал целыми страницами. Тогда он написал про Черную курицу, которая подарила мальчику семечко, позволявшее легко отвечать урок строгому учителю, ничего не уча. Мальчики выросли умными и дружными. Только вот незадача: Саше как царевичу нельзя было покидать дворца, а Леша в прогулках по городу «отрывался» вместе с двумя своими весе-

лыми кузенами, братьями Жемчужниковыми – будущими соавторами. В юности они изрядно проказничали, и Леша взахлеб рассказывал об их проделках царевичу, который хохотал и немножко завидовал.

Кузены вышучивали все и всех. О них судачил весь город. Например, они в немецком театре уселись в первый ряд и, переговариваясь, громко шелестели страницами толстенных словарей, переводя каждое слово актеров. В перерыве к ним подошел сам грозный генерал-губернатор Петербурга граф Суворов и гневно велел себя назвать. «Запиши, – сказал он секретарю, – Жемчужниковы и Толстой». На что нахальный Владимир потребовал, чтобы граф назвал себя. Тот высокомерно представился полным титулом. «Алеша, запиши: Су-во-ров», – по слогам велел Владимир другу. Всех нахальная выходка рассмешила, только император Николай, притворно хмурясь, их отчитал.

Но был случай, когда он разгневался – за проказу с министром юстиции графом Паниным. Тот имел привычку прогуливаться по Невскому, высоко задрав подбородок, и не отвечать на приветствия, глядя поверх голов. Алексей Жемчужников обогнал министра и резко присел на корточках прямо перед ним. Панин налетел на парня и навернулся носом прямо в мостовую. А Жемчужников поднялся с довольным видом: «Пardon, я обронил булавку. Слава Богу, нашел».

Император гневался, наследник завидовал, а дядя заставлял ребят еще строже учиться. Но у кузенов скоро появилась новая игрушка – самая популярная литературная мистификация – они вместе придумали незабвенного Козьму Прутков с его афоризмами. И, представьте, многие верили, что это реальный человек. Так что, «если на клетке слона прочтешь надпись «буйвол», не верь глазам своим».

РОЗЫГРЫШ ПО-ФЛОРЕНТИЙСКИ

Ровно 645 лет назад в прекрасной Флоренции родился гениальный архитектор и инженер эпохи Возрождения Филиппо Брунеллески. До сих пор приехавшие на родину Ренессанса могут полюбоваться построенным им куполом огромного кафедрального собора Санта-Мария-дель-Фьоре. А особо выносливые могут за отдельную плату подняться почти на стометровую высоту, чтобы вокруг мраморного фанаря, венчающего величественный восьмигранный купол, прогуляться по обзорному балкону, откуда вся Флоренция видна, как на ладони.

Это был город, где количество гениев на квадратный километр просто зашкаливало. Но при этом они обладали не только достоинствами, слабостями и, подчас, скверным характером. Тот же Брунеллески однажды устроил розыгрыш, в котором приняло участие немало жителей Флоренции. Был у него личный враг – плотник Гроссо. Неизвестно с чего между ними вспыхнула вражда, но Брунеллески победил весьма изящно. Он пробрался в мастерскую плотника, и когда тот пришел, не открыл дверь, а искусно подражая его голосу, послал его самыми грубыми словами.

Растерянный плотник вышел на площадь, чтобы позвать кого-нибудь на помощь. Но там его поджидал приятель Брунеллески – очередной гений Ренессанса, скульптор Донателло. Он назвал Гроссо именем Матео, и того тут же схватила стража, объявив, что он арестован за неуплату налогов. Несчастный кричал, что он никакой не Матео, но стражники надавали ему по шее и отволокли в тюрьму. Там его записали, как Матео, и так же обращались к нему сокамерники. Утром за растерянным и отчаявшимся Гроссо пришли братья настоящего Матео. Они внесли выкуп за своего «беспутного брата» и увели домой, где устроили настоящий пир с гостями по поводу его освобождения. Гуляла вся Флоренция, а утром к нему похмельному пришел сам Матео и сказал, что ему снилось будто он стал Гроссо. Это окончательно доконало беднягу. А когда выяснилось, что все это розыгрыш, бедный Гроссо уехал навсегда из Флоренции от позора и насмешек. Вот так! Не ссорьтесь с гениями – выйдет себе дороже. Хотя, неизвестно, в какую сумму Брунеллески обошлась эта победа.

85

ДВАЖДЫ КРЕЩЕННЫЙ

■ Елена КИРИЯ

Имя Эдуарда Кочергина стоит в одном ряду с именами Георгия Товстоногова, Евгения Лебедева, Александра Товстоногова – столь дорогими сердцам тбилисцев и грибоедовцев.

Эдуард Степанович начал работу с Георгием Александровичем в БДТ 50 лет назад в 1972 году. С тбилисской щедростью, гостеприимством и радушием он познакомился в том же году: «...Труппа театра решила семейный праздник – Новый год – совместить с празднованием премьеры «Ханумы». Вечером актеры театра с семьями – со стариками и детьми – приехали в театр. В Греческом зале и в большом зрительском буфете накрыли столы, поставили новогодние елки. Из Тбилиси прибыл самолет с грузинским вином, фруктами, дынями, сырами, суджук, бастурмой, грузинским лавашом, виноградом и даже с приготовленным лобио в глиняных горшочках. С этим колоссальным по тому голодному времени богатством

прилетели великий композитор Г. Канчели – автор музыки к «Хануме», и замечательный балетмейстер Ю. Зарецкий в сопровождении еще нескольких грузинских друзей театра.

На двух огромных столах выставляется вся эта райская еда. Поначалу театральные народцы боялись даже подойти к такой роскошной вкуснятине, но позже разошелся и часам к трем нового года прилетевшие грузинские угощения улетучились. Первыми поглотителями драгоценной съедобы стали дети, за ними – взрослые. И было пиршество во имя жизни и любви человека.

Более душевного, теплого, веселого и трогательного Нового года я не встречал ни разу в своей жизни. Этот Новый год явился истинным праздником единения».

В Тбилиси на сцене Грибоедовского театра Эдуард Кочергин запомнился по работе над спектаклями «Прощание в июне» Сандро Товстоногова в 1974 году и «Ангелова кукла» Дмитрия Егорова в 2006 году.

Эдуард Степанович проработал с Георгием Товстоноговым в БДТ двадцать один год. Годы незабываемой дружбы, ярких, значительных спектаклей. Природа театра такова, что время стирает из памяти сами спектакли, но остаются эскизы, макеты... И, конечно, литература. По словам Кочергина, его имя Эдуард – саксонского происхождения и означает «хранитель памяти». Таковым он себя и считает.

Прекрасный художник оказался еще и замечательным рассказчиком. Он – автор уникальных в своем роде книг: «Ангелова кукла», «Крещенные крестами», «Записки Планшетной крысы»...

Родился Кочергин в 1937-м в годы Большого террора в семье русского, помора по происхождению, и польки. Еще до его рождения отца репрессировали за занятия лженаукой – кибернетикой. А мать, Брониславу Одынец, из старинного польского рода, арестовали уже в 1940-м по «польскому делу» и получила она 10 лет лагерей. Перед тем, как ее «взяли», Бро-

С Георгием Товстоноговым. Фото В. Каплана

нислава успела крестить сына в католическом храме. А после ее ареста поморские тетки со стороны отца крестили мальчика в старообрядческой церкви. Он был слишком мал, чтобы объяснить, что уже крещенный, и оказался крещенным дважды.

Кто знает, может быть, благодаря тому, что он находился под омофором двух церквей, ему и удалось выжить.

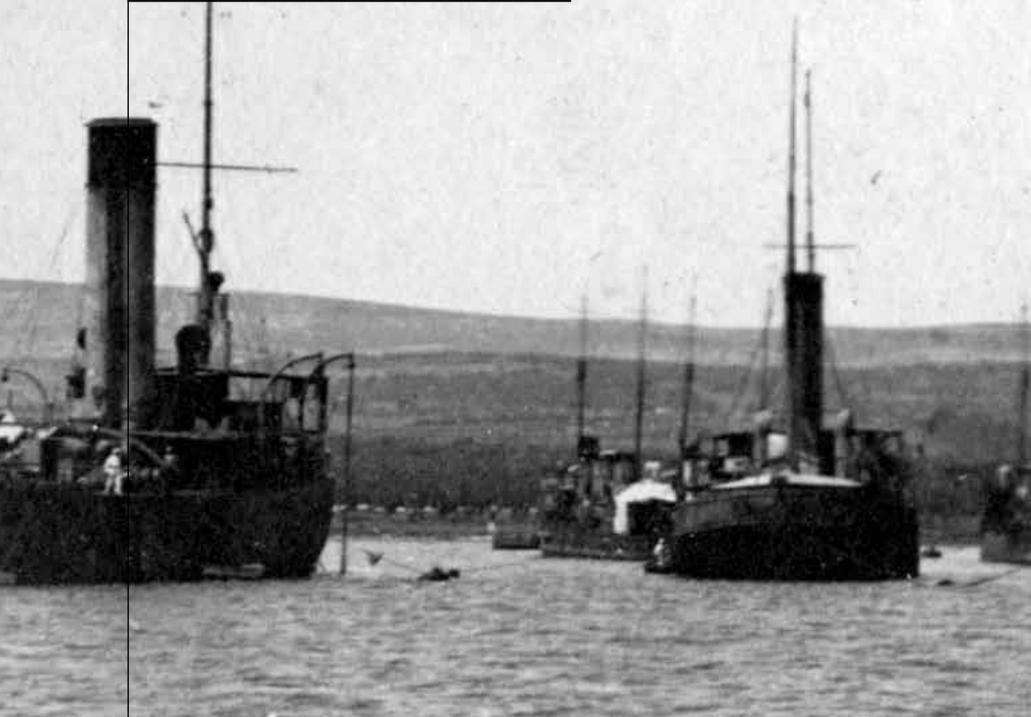
Эдуарду было неполных четыре года, когда с эвакуации из блокадного Ленинграда начались его скитания по бескрайним просторам родины «эсесерии» – из одного детоприемника в другой – с запада на восток до самого Омска. Как сотни тысяч других, он попал в самую мясорубку войны. А в 1945 году, бежал из Омского детоприемника

уже назад – в родной Ленинград, теперь с востока на запад. Его «одиссея» длилась почти 7 лет. На этом пути, полном ужасов, жестокости, несправедливости, кроме ангелов-хранителей, ему помогали невероятный инстинкт самосохранения, природная стойкость и любознательность ко всему, что связано с художественными навыками.

Он выстоял в самых низах человеческого социума, не сломаться и сохранил себя ради заветной мечты – встречи с матерью.

В одном из интервью Эдуард Степанович сказал: «Мать моя выжила верой, а я – любовью к матери...»

Только великая любовь может спасти человека в отдельности и весь мир в целом.

РУССКАЯ ЛЕГЕНДА ТУНИСА

■ **Николай СВЕНТИЦКИЙ**

Бизерта. Самый крайний северный город Африки. Синие волны Средиземного моря тихо бьют в залитый солнцем берег... За моей спиной – Тунис, огромный и прекрасный. Здесь есть на что посмотреть, чему изумиться. Но я, как замороженный, все гляжу на море: кажется, вот-вот, и из-за горизонта появится великая Русская эскадра – корабли Российского Императорского флота, покинувшие Крым.

Одним из первых идет пароход «Великий князь Константин». На палубе стоят измученные пассажиры. Среди них – исхудавшая до крайности девочка с недавно обритой головой, только-только с трудом перенесшая тиф... Это Анастасия, старшая из трех дочерей Александра Манштейна, старшего лейтенанта флота, командира эскадренного миноносца «Жаркий». Тогда, в декабре 1920 года, никто и подумать не мог, что именно эту восьмилетнюю девочку назовут «ангелом Русской эскадры», «русской гордостью Северной Африки» и «великой русской».

И что во многом благодаря ей Русская эскадра, прибывшая в Бизерту, навсегда войдет в бессмертие...

В Тунис я приехал не впервые. Уже не раз пересекал страну с севера на юг и с востока на запад. Чего только не повидал – Карфаген, римский амфитеатр в Эль-Джеме, национальный музей Бардо, древние города Дугга и Керкуан, старинные крепости и мечети, красивейшие озера, горы и острова... Даже в пустыне Сахара как-то раз очутился, среди бедуинов. Но, конечно, меня всегда особо интересовал «русский след» в Тунисе, а конкретно – в Бизерте.

Я читал, что первым русским, посетившим Тунис, стал Матвей Коковцов – морской офицер, писатель, которого по праву называют первым русским африканистом. В 1778 году он приехал в Тунис и под видом купца осмотрел Бизерту – чего уж тут скрывать, с разведывательными целями. В 1897 году сюда прибыл российский императорский крейсер «Вестник», а спустя три

Анастасия Манштейн-Ширинская

года на рейде Бизерты встал на якорь броненосец «Александр II». И, наконец, в 1920-1924 годах Бизерта стала местом последней стоянки Русской эскадры...

Да, обо всем этом я читал, слышал, и не раз. Но так совпало, что именно в этот мой приезд в Тунис, летом 2022 года, все для меня было освещено именем «ангела Русской эскадры» – Анастасии Манштейн-Ширинской. Прямо перед отъездом я пересмотрел знаменитый документальный фильм Виктора Лисаковича и Николая Сологубовского «Анастасия». Если кто не знает, картина получила более 10-ти призов и премий, в их числе – «Ника», «Золотой Орел», Гран-При и другие призы на международных кинофестивалях Украины, Франции, Туниса, Болгарии. Тогда же мне в руки попала книга Анастасии Ширин-

ской «Бизерта. Последняя стоянка» – разумеется, «проглотил» ее за одну ночь...

Приехав в Тунис, я в первый же день познакомился с удивительно интересным человеком – Инной Бушнак, руководителем Балетной школы имени Сергея Дягилева. Ее гостеприимный дом – душа русского Туниса. (Кстати, жизнь и судьба самой Инны и ее супруга, легендарно-

го тунисского музыканта Лотфи Бушнака, заслуживают особого внимания, и мы обязательно расскажем о них на наших страницах). Я опоздал всего на пару дней и, увы, не попал на триумфальную премьеру балета «Анастасия», поставленного Инной Васильевной. Но эхо успеха гремело, пресса печатала восторженные рецензии, так что, можно сказать, я наслышан о

спектакле в полной мере. Как рассказывает сама Инна, «в балете отражено детство Анастасии, жизнь семьи в мирное время, Октябрьская революция, Гражданская война, рассказывается о том, какие трудности пережила семья Манштейн, как сохранила, передавая из поколения в поколение, верность Родине и православную веру».

Между прочим, в Тунисе

Инна Бушнак со своими воспитанницами

Настя Манштейн

не нужно объяснять, кому посвящен балет, – имя Анастасии здесь известно каждому. Нам с Инной было, о чем поговорить. Мы, так или иначе, занимаемся одним делом. И для нее, и для меня главным объектом внимания и заботы всегда остаются наши соотечественники. Но в разговоре мы почему-то все время возвращались именно к истории Анастасии. Я спрашивал – Инна рассказывала, увлеченно и страстно. На следующий день – тянуло, как магнитом – мы отправились в Бизерту. Я поклонился месту упокоения

Анастасии Ширинской, поставил свечу в православном храме Александра Невского, построенном в 1937-1939 годы на скромные средства русских эмигрантов и сохраненном опять-таки во многом стараниями Анастасии Александровны. И узнал столько новых подробностей, накопил столько эмоций, что стало ясно: не могу не рассказать об этой необыкновенной женщине – последнем свидетеле и летописце Крымского исхода в Тунисе...

Анастасия Манштейн-Ширинская родилась 110 лет назад, 5 сентября 1912 года, в большом родовом имении Рубежное. Оно находилось рядом с селом, а ныне городом, название которого, к несчастью, у всех на слуху по трагическим обстоятельствам – это Лисичанск в Луганской области Украины. «Навсегда запечатлелись во мне картины безграничного деревенского простора, – вспоминала Анастасия, – роскошь украинского лета, шорохи и запахи старого парка, серебряный блеск Дона, стремящегося к Дону...Самые известные русские писатели воспевали Украину. Все дети знали наизусть описания ее ночей, ее рек «чище серебра», ее безграничных степей и цветущих хуторов. Удивительно явственно предстают перед взором картины прошлого, когда прошлое запечатлено в сердце!»

Род отца Анастасии, потомственного офицера Александра Манштейна, восходит к генерал-майору Кристофу-Герману фон Манштейну, автору мемуаров «Записки о России, 1727-1744». Мама, Зоя Доронина, уроженка Санкт-Петербурга, родом из семьи чиновника. По словам Анастасии, мама была из тех людей, про которых Шмелев писал, что они «в себе понесли Россию».

Мирная жизнь окончилась в один миг. В 1917 году дверь в счастливое детство захлопнулась навсегда. А об истории Российской империи и говорить нечего – она резко разделилась на два периода: до и после 1917-го. Большевики начали строить светлое будущее. Но, как нам хорошо известно, «светлое будущее» начинается с уничтожения прошлого и строится на крови.

Революционеры строили без фундамента – они повергли в

прах все прошлые ценности. «Миллионы людей, которые хранили в себе это наследие, – пишет А. Ширинская, – или физически уничтожались, или принуждались покинуть родину. Запад получил в подарок лучших представителей аристократии и ученого мира, в то время как в России самые устои культуры оказались подорваны... В наши дни патриоты сожалеют о распаде СССР как о распаде единого государства. Для патриотов Белой армии образование СССР было концом России «Единой и Неделимой». Для них распад состоялся в 1917 году».

Первым делом ударили по офицерам, по армии, по флоту. Иосиф Гольденберг, революционный деятель, объяснял это с предельной ясностью: «В тот день, когда мы создали революцию, мы поняли, что если не разрушим прежнюю армию, то она в свою очередь раздавит революцию. Надо было выбирать между армией и революцией. Мы не колебались, мы выбрали последнюю».

Для русского флота Гражданская война стала катастрофой. Декретом Совета народных комиссаров от 29 января 1918 года императорский флот был распущен. Взамен большевистские власти объявили об организации «социалистического рабоче-крестьянского флота на вольнонаемных началах». Корабли были частично выведены из Севастополя в Новороссийск и, затоплены по приказу Ленина, а частично – захвачены немцами, затем – Антантой, после чего переданы Белой армии на Юге России.

Моряки вместе со всеми вооруженными формированиями Белого движения приняли самое активное участие в Гражданской войне. Но после ряда серьезных побед последовали потери и поражения. В марте 1920-го года был оставлен Кавказ. Последним оплотом Белой армии оставался Крым. Оторванный от страны, не имеющий никаких средств к существованию. А беженцы все прибывали, госпитали были переполнены ранеными и больными, в Севастополе свирепствовали эпидемии – холера, сыпной и брюшной тиф... Долго ли бы смог держаться полу-

остров в таких условиях?

Генерал Врангель, сменивший генерала Деникина на посту Главнокомандующего Вооруженными силами Юга, возглавил последний очаг сопротивления. Он работал с семи утра до полуночи, постоянно выезжал на фронт, непосредственно управлял войсками, трудился над земельной реформой, занимался вопросом признания прав нацменьшинств... Но уже ничто не могло помочь сохранить Крым, будущее полуострова было очевидно и трагично: красный террор. Так оно и произошло, хотя: командующий Южным фронтом Красной Армии Фрунзе гарантировал «полное прощение сдающимся, включительно до лиц высшего комсостава, в отношении всех поступков, связанных с гражданской борьбой».

В ноябре 1920 года была подписана конвенция, согласно которой все эвакуированные из Крыма поступали под покровительство Франции. Взамен французское правительство брало в залог русский военный и гражданский флот. Доходы от его продажи должны были покрыть часть расходов на эвакуацию и последующие затраты, связанные с организацией жизни беженцев на чужбине. При эвакуации из Крыма ушло более 125 судов, среди них – военные, транспортные, пассажирские и торговые. Все они вывезли около 150000 человек. По прибытии в Константинополь, флот реорганизовали в Русскую эскадру, которую, с согласия Совета министров Франции, принял порт Бизерта в Тунисе. Эвакуированное гражданское население были готовы принять Турция, Сербия, Болгария, Румыния и Греция.

В декабре 1920 года в Бизертский порт первым вошел пароход «Великий князь Константин», на котором находились персонал морского ведомства и семья моряков, в том числе, и семья командира эсминца «Жаркий». Багажа у Манштейнов почти не было. Самое дорогое уместилось в небольшой корзине: иконы, фотографии и рукопись Кристофа-Германа фон Манштейна.

Долгое время прибывшим нельзя было сходить на берег.

На протяжении четырех лет они жили на кораблях в ожидании решения своей судьбы. Корабли стояли в бухте, плотно прижавшись бортами, а между палубами были переброшены мостики.

Бизерта стала последней стоянкой для тех, кто сохранил верность своему императору.

Добровольные изгнанники старались жить по выверенному укладу жизни. Каждое утро моряки поднимали Андреевский флаг. Военные учения не прекращались. В плавучем уголке Российской империи читались лекции, ставились спектакли, звучали русские песни, отмечались все православные праздники, а детям преподавался полный гимназический курс... Анастасия Александровна вспоминала: «Для нас «Георгий Победоносец» стал настоящим городом. На берег мы не сходили, денег не было, языки не знали. Зато какая у нас была школа! Многие дисциплины преподавали профессор. Наверное, и я стала учителем математики из-за адмирала Воблинского, который читал у нас эту дисциплину». Правда, броненосец «Георгий Победоносец» перестал походить на военный корабль, и остроумцы заменили его назва-

ние на «Бабаносец»...

«Сегодня молодежь без труда открывает богатства Божьего Мира; так много удивительных возможностей в ее распоряжении, – пишет Ширинская. – У нас были только книги... и наше воображение... Мы жили на узкой палубе корабля, но весь свет был перед нами. Мы пересекали океаны, мы открывали континенты. Самые таинственные места – Занзибар, Томбукту – не имели для нас секретов... Жизнь уничтожила многое, но не любовь к чтению, не силу воспоминаний».

Несмотря на все усилия, отчаяние порой побеждало надежды. В первые же месяцы пребывания в Бизерте несколько человек свели счеты с жизнью. Пронзительная деталь: в предсмертном письме офицер Николай Лутц просил прощения у товарища за то, что покончил с собой его револьвером.

Почти все русские изгнанники старались найти работу. Но это было крайне непросто. По специальности могли устроиться только врачи. Все остальные, вне зависимости от рангов и образования, оказались в одинаково сложном положении и радовались самым скромным предложениям. Генерал Зава-

Александр Манштейн на мостике посыльного судна «Невка». Первая мировая война

Храм Святого Александра Невского в Бизерте

лишин просился в сторожа или садовники. Генерал Попов, как и матрос Никитенко, искал работу механика. Доктор международного права Алмазов – место писаря. Офицеры шли в землемеры, лесники, техники, женщины – в гувернантки, посудомойки и уборщицы. Зоя Николаевна, мама Анастасии, говорила, что ей не стыдно мыть чужую посуду, чтобы прокормить своих детей, было бы стыдно, если бы она плохо мыла.

В октябре 1924 года Франция официально признала СССР, и Русская эскадра была расформирована. Андреевский флаг спустили навсегда. Франция согласилась передать корабли Советскому Союзу при условии, что тот признает дореволюционные долги России. Но советское правительство долги не признавало и к тому же отказывалось платить за содержание Русской эскадры. И тогда часть кораблей была присоединена к флоту Министерства торгового мореплавания Франции, часть досталась итальянским и мальтийским судовладельцам. Оставшиеся суда были проданы на слом.

Признав страну Советов, Франция предложила всем русским в Тунисе принять французское подданство. Предложением воспользовались не все. Александр Манштейн заявил,

что останется подданным России, потому что офицер присягает только один раз в жизни, а он свою присягу уже принес – императору России. Такое решение означало обречь себя и семью на нелегкую жизнь эмигрантов. Вскоре из 6388 беженцев в Тунисе осталось только 700 русских. Из них в Бизерте – 149...

Настя Манштейн (или, как ее называли близкие, Аста) писала стихи, мечтала стать писателем и сочинять детские сказки. Даже псевдоним себе придумала: Madame de Lhompiere. Но – надо было учиться, думать о том, как заработать на хлеб насущный. И она с отличием окончила школу Лякор, колледж «Стефан Пишон» и высшую математическую школу в Германии. Уже в 17 лет начала давать частные уроки. Много лет спустя лицейский инспектор отметит в своем отчете, что Ширинская – «врожденный педагог» и обладает «большим опытом». Она будет самой известной учительницей математики в Тунисе. Ее ученики станут министрами, олигархами, видными политическими деятелями. Мэр Парижа в 2001-2014 годах Бертрано Деланоэ – тоже ее ученик. Он даже называл ее мамой...

Анастасия вернулась в Бизерту из Германии в июле 1934 года, сразу после «Ночи больших ножей», когда Гитлер жестоко расправился с руководством штурмовых отрядов. Вышла замуж за Мурзу Сервера Муртазу Ширинского, потомка древнего крымско-татарского рода. Родила троих детей. Сын Сергей был женат на туниске, развелся, работал журналистом, снимал фильмы, снимался в кино, жил в Бизерте с мамой, пережил ее всего на четыре года. Дочери Татьяна и Тамара уехали во Францию, стали преподавателями физики и химии. У Татьяны – два сына. Жорж – художник, работал в Голливуде у Спилберга, затем – на киностудии Диснея. Живет в Париже. Стефан – архитектор, живет в Ницце. У обоих подрастают дети. И внуки, и правнуки Анастасии Ширинской – настоящие французы. Они помнят и ценят свою знаменитую бабушку, но, увы, совсем не говорят

по-русски...

В середине тридцатых годов у русских моряков родилась благородная идея: увековечить память Русской эскадры, построив в ее честь храм. На призыв о поддержке откликнулись многие русские в изгнании, особенно – бывшие бизертяне. Памятник последним черноморским кораблям начали возводить в 1937 году, закончили в 1939-м. Завесой за алтарем стал Андреевский флаг, собственноручно сшитый вдовами и женами моряков. Внутреннее убранство храма – иконы и утварь из корабельных церквей, некоторые иконы писаны самими моряками. В качестве подсвечников использовали снарядные гильзы, а на мраморной плите были выбиты названия всех 33 кораблей, прибывших в Бизерту...

Во время Второй мировой войны храм пострадал от бомбардировок, но после войны был восстановлен. И тогда же начался сбор средств на строительство еще одного православного храма – в столице Туниса. В 1953 году состоялась закладка первого камня в центре города, а 10 июня 1956 года прошло торжественное освящение Храма в память Воскресения Христова.

В том же году Тунис официально стал независимым, большинство русских имело французское гражданство и переехало во Францию. Из русской колонии в Тунисе осталось всего несколько семей.

Вместе с паствой уехали и священники, лишь изредка в русскую общину приезжали из Александрийского Патриархата. «Тунисские власти не тронули наших церквей, – рассказывала Анастасия Александровна, – и не запрещали нам свободного вероисповедания, но если в храмах не совершались службы, и они превращались в развалины, то их, конечно, могли национализировать». Казалось бы, русскую общину и русские церкви в Тунисе ждет весьма грустная участь. Но...

В середине 1980-х Ширинская вышла на пенсию. Старейшина русской общины была уверена, что все самое главное и интересное уже позади. И

вдруг выяснилось, что в ее жизни и жизни «русского Туниса» открывается новая страница.

Надо сказать, что советские граждане, приезжавшие на работу в Тунис, никогда не знакомились и не общались с «мадам Русская эскадра». У них были строгие инструкции: эмигрантов избегать. А в феврале 1987 года в Бизерту приехали первые журналисты из СССР. В газете «Правда», а затем в «Советской культуре» появились интервью Ширинской, в которых она рассказывала о судьбе Русской эскадры. В популярнейшей передаче «До и после полуночи» показали большой сюжет «Последняя стоянка».

В Тунис хлынула лавина писем из Советского Союза. Ширинской писали ученые, коллекционеры, знатоки и любители истории России, люди, которые искали своих родственников – участников Крымского исхода. Анастасия Александровна с трудом успевала отвечать и неожиданно для себя оказалась в центре общественного внимания. Люди специально приезжали в Тунис, чтобы познакомиться с ней, поклониться могилам русских моряков, посетить православные храмы. На Ширинскую обрушилась самая настоящая слава, и она сразу же превратилась в легенду. И первым делом написала письмо Патриарху Пимену об участии православных храмов в Тунисе.

После этого в 1990 году из Александрии приехал архимандрит Феофан, отслуживший службы в русских церквях Туниса, и в те дни, как вспоминает Анастасия Александровна, храмы «не могли вместить всех молящихся: русские специалисты, русские жены тунисцев, их дети, наши друзья – французы, немцы, чехи, болгары, поляки». А в 1992 году Священный Синод под председательством Патриарха Московского и всея Руси Алексия II, по просьбе Русской православной общины в Тунисе постановил принять эту общину в юрисдикцию Московского Патриархата. Настоятелем русских храмов в Тунисе, был назначен священник Дмитрий Нецветаев. По его словам, «если бы не активные действия главы русской православной

общины в Тунисе Анастасии Александровны, наверное, служить сегодня было бы негде. Эта потрясающая женщина делала все возможное для сохранения храмов».

В июле 1990 года Анастасия Александровна с дочкой Татьяной впервые побывала в Советском Союзе. Самые пронзительные чувства она испытала в родных местах: «Маленький самолет приземляется в Северодонецке... Через четверть часа мы уже у Лисичанска, и, как в тот далекий июльский день 1918 года, стоим на маленькой станции «Насветевич»... Ничего не изменилось. Пустынная тропа поднимается между кустарником к моему затерянному царству... Я знаю, что все на свете меняется, что белого дома с колоннами в большом цветущем парке давно уже нет. Но эта тихая ночь под высоким куполом украинского неба все та же. Сколько близких, дорогих мне людей вглядывались в нее, как я сегодня, на этом дорогом нам кусочке земли. Кто скажет мне, что я не у себя?»

Почти 60 лет она жила с нansenовским паспортом для беженцев без гражданства. И всю жизнь ждала русского гражданства: «Советское не хотела. Потом ждала паспорт с двуглавым орлом, с гербом Интернационала не брала. И дождалась, вот такая упрямая старуха». 17 июля 1997 года в Посольстве России в Тунисе Анастасии Ширинской был вручен российский паспорт с изображением двуглавого орла.

Надо сказать, цену себе Анастасия Александровна знала: «Говорят, в Тунисе две главные достопримечательности: Карфаген и Ширинская!» И это действительно так! Ее деятельность была высоко оценена еще при жизни. Все многочисленные российские награды даже сложно перечислить, в Тунисе ее удостоили государственного ордена «Командор культуры». Местные кинематографисты сняли документальный фильм «Анастасия из Бизерты». А в 2006 году муниципалитет Бизерты назвал ее именем площадь, на которой стоит православный храм Святого Александра Невского.

Анастасия Александровна скончалась в 2009-м, ей было 97 лет. А интерес к судьбе «ангела Русской эскадры» не только не ослабевает, но и становится все сильнее. Сняты фильмы «Память об эскадре», «Русская бабушка из Бизерты», «Анастасия». В Тунисе действуют Фонд сохранения исторического и культурного наследия русской эмиграции имени А.А.

Памятный обелиск морякам Русской эскадры в Бизерте

Манштейн-Ширинской и Дом-музей А. Ширинской (культурный центр неподалеку от дома, который до последних дней жизни снимала Анастасия – собственного жилья у нее не было), в Лисичанске основан Центр Анастасии Ширинской. Селекционная группа «Русская сирень» вывела новый сорт сирени и назвала ее «Анастасия Ширинская»...

И вот я стою на берегу Средиземного моря в Бизерте и думаю о ней – русской женщине, которая вдали от родины навсегда сохранила родину в своем сердце.

Она говорила: «Действительность прошлого удивительно сильна. Ничто не может изменить того, что было».

Воистину.

БОГЕМСКАЯ РОЩА И КОЛХИДСКИЕ ТАЙНЫ

Сани, как известно, надо готовить летом, а к юбилею – готовиться за год.

В следующем году мы будем поздравлять с круглой датой нашего верного друга, члена Общественного совета журнала «Русский клуб», президента Ассоциации «Центр изучения культурно-исторического наследия «Колхидская Роза», доктора философии Елен Дорис. И вот, начиная с этого номера, мы приступаем к публикации серии материалов, которые, пожалуй, можно назвать так: «Тайны Колхидского двора». Они заинтересуют не только специалистов, но и самый широкий круг читателей, всех, кого манят тайны прошлого, ведь именно ими мостятся дороги будущего.

Итак, слово – самой Елен Дорис.

Вот и пришло время собирать камни.

Грядущий юбилей обязывает меня, наконец, приоткрыть завесу над тайнами мифов и легенд, семейных преданий, безграничного информационного океана интернета.

Начнем с любопытной даты. В 2022 году исполняется 150 лет с момента образования в Калифорнии «кружка по интересам» под названием «Богемский клуб». Поначалу в этот элитный частный клуб входили

видные журналисты, литераторы, художники и музыканты. Его первыми членами были Амброз Бирс, Марк Твен, Джек Лондон. Сегодня в клубе состоят мировые лидеры. Требования заведения настолько высоки, что почетное членство предлагается лишь некоторым президентам США и избранному кругу бизнесменов и политиков.

Каждое лето самые богатые и влиятельные люди в мире на две недели собираются, как в пионерском лагере, в Богем-

ской роще – удивительной красоты природном заповеднике близ городка Монте-Рио, где произрастают древние секвойи.

Что же связывает автора этих строк с Богемской рощей – местом отдыха уважаемых людей с определенным социальным статусом? Первым делом то, что площадь этого «пионерского», точнее, «бойскаутского», лагеря (11 га) в точности соответствует площади такого же заповедного места в Колхиде, в Мартвили, где в первозданной чистоте, без каких бы то ни было модернизаций, реорганизаций и усовершенствований, автор, по завету деда, соратника Глеба Бокия, сохраняет сакральный дух предков. И дух этот – не миф, а самая что ни на есть реальность, берущая свой исток во времена царя Ээта (Аэта), чья дочь Медея была жрицей богини Гекаты. А храм Гекаты с неизменным символом – совой, был воздвигнут в тех же местах, где находились и поле, и роща Ареса с символическим дубом и драконом, стерегущим Золотое руно.

Обратите внимание, начиная с основания Богемского клуба, его символом тоже была и остается сова. Скульптура совы высотой в 12 метров и сейчас стоит на стальном постаменте перед озером в Богемской роще. Сова изображена и на эмблеме клуба вместе с девизом: «Пауки, плетущие паутину, сюда не приезжают» – коммерческие сделки и деловые переговоры в Богемской роще запрещены.

Между прочим, есть мнение, что статуя Свободы в США является воплощением богини Гекаты. Действительно, и древнегреческая богиня, и главный символ Америки похожи: обе держат зажженный факел, головы обеих украшает корона из лучей.

Мы сердечно поздравляем с юбилеем знаменитый клуб! И, кто знает, возможно, с новым витком времени заокеанские гости нанесут визит в Мартвили – то самое место, которое дало первоначальный импульс возникновению Богемской рощи, уголка счастья в далекой Калифорнии.

А. Ф. Фейербах. Медea. 1870

РАССКАЖИ МНЕ О ГРУЗИИ...

■ Александр ЭБАНОИДЗЕ

Продолжение

Неделю спустя тетя Лали провела меня в зал, где повсюду стояли амфоры, вазы и обломки античных скульптур, и когда последние посетители покинули музей, плотно закрыли дверь и начала свой рассказ.

МЕДЕЯ И АЭТ. АРГОНАВТИКА

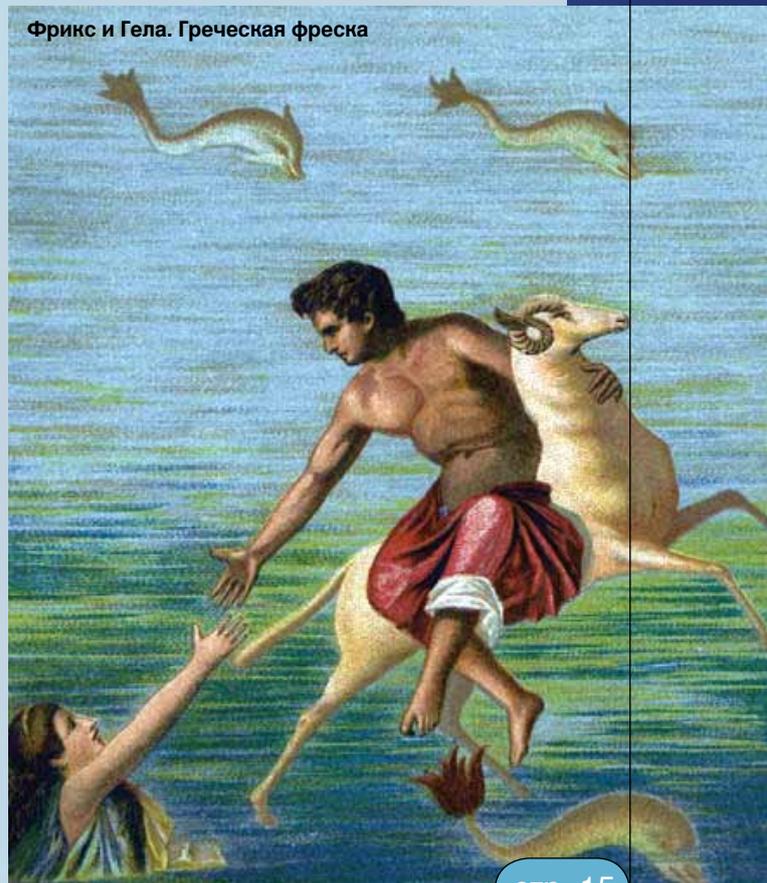
– Эти события помнит только море. Три тысячи лет назад оно было такое же старое, как сейчас. Для моря три тысячи лет все равно, что для нас три дня...

Тогда так же, как сейчас, всходило солнце, таял туман над водой и чуть колыбалась ее безбрежная, оливково лоснящаяся поверхность. В такое утро рыбаки подобрали в море мальчика: вцепившись в шерсть могучего барана, тот едва держался на плаву...

Мальчика доставили во дворец царя Аэта. Он назвался греческим царевичем по имени Фрикс. Фрикс не знал, как он оказался у берегов Колхиды. Он только помнил, что волшебный летающий баран нес его с сестрой Гелой через моря и горы. Потом Гела сорвалась и упала в море...

Мудрый Аэт с сомнением выслушал удивительный рассказ. Он знал, как трудно барану полететь. Да еще с двумя подростками на спине. Скорее, это походило на разведку. На очередной выпад хитроумных греков:

Фрикс и Гела. Греческая фреска

Ясон, богиня Афина и дракон. Чаша, ок. 480-470 до н. э.

уж они-то умеют замаскировать свои цели и украсить историю! Но Аэт устал от сражений, интриг и жестокости. Зачем проливать кровь этого смуглого отрока, прибитого к его берегам, можно сказать, подаренного ему морем? И Аэт усыновляет Фрикса. А когда тот вырос и возмужал, отдает за него старшую дочь – красавицу Карису.

У Фрикса с Карисой родилось четверо сыновей. Отец часто рассказывал им о родине, по которой тосковал на чужбине. В конце концов эта неизбывная тоска свела его в могилу. Напоследок, перед смертью он вместе с сыновьями проложил водопровод для жителей города. Так сын Эллады отблагодарил приютившую его страну...

– Когда-нибудь мы окажемся в городке Вани, и я покажу тебе Греческий источник, – сказала тетя Лали. – Предание связывает его с именем Фрикса... Но, как ты понимаешь, – продолжала она, – история Фрикса только начало событий, прогемевших на весь мир. Об этих событиях поведали миру древние греки, в силу своей древности, а также простодушно-го лукавства напустившие мифологического туману. Я попробую

разогнать туман и рассказать, как все было на самом деле. Или могло быть...

Она нажала на спрятанную за портьерой кнопку, и в просторном зале, уставленном амфорами и скульптурами, послышался размеренный шум прибоя и словно бы повеяло соленым ветром.

– Вслушайся в этот ритм набегающей и уходящей волны! Это гекзаметр. Так рассказаны поэмы Гомера и других поэтов античности. В том числе «Аргонавтика»...

...Тоска по родине как наследственная хворь передалась сыновьям Фрикса. Они трижды бежали из Колхиды, но каждый раз разгневанный Аэт настигал их и возвращал назад: теперь его внуки были законными наследниками Колхидского престола и при этом греческими царевичами... Не этого ли добивался тот, кто придумал «летающего барана»?..

Мальчики сбегают в четвертый раз. Кое-как догребают до маленького островка, где шторм отнимает у них лодку. Сыновьям Фрикса грозит гибель, но пуще голодной смерти они страшатся гнева грозного деда. Вдруг в один из долгих безнадежных дней они

увидели пристающий к острову корабль. То был знаменитый «Арго», на котором греческие герои плыли в Колхиду за золотым руном. Цвет Эллады собрался на «Арго»: Одиссей, Тесей, Ахилл, Орфей, Ясон и другие... Поначалу даже великий Геракл был с аргонантами, но в пути его отвлекли другие подвиги...

Мальчики не хотели возвращаться в Колхиду к деду, но предводитель аргонатов Ясон пообещал им свое покровительство.

Несколько дней плыли по Эвксинскому понту. Над «Арго», шурша крыльями, с голодным клекотом пролетал огромный орел: он спешил к Прометею, чтобы терзать его печень...

Наконец, вдали засверкала под солнцем белоснежная гряда Кавказа. Она упиралась в самое небо, отгораживая теплую Колхиду от холодной страны Гипербореев. Целый день «Арго» шел вдоль берега, откуда ветер доносил запахи цветущих садов и дыма. К ночи вошли в устье полноводной реки и, шурша камышами, пристали к берегу...

На душе у героев было тревожно. Здесь, вдали от родины, они почувствовали опасную нелепость своего предприятия. В самом деле: что может быть нелепей и опасней, чем явиться к грозному царю и потребовать у него шкуру барана – золотое руно! О вспыльчивости могущественного Аэта были наслышаны даже в Греции! Ему ничего не стоит расправиться с горсткой смельчаков, которых вряд ли спасет то, что на родине об их силе, ловкости и смекалке рас-

Ясон на античной фреске

Копия корабля «Арго», построенная при помощи древних инструментов по рисункам XIV века до н. э. Волос, Греция

сказывают легенды.

Нет, их определенно ждет гибель, если высокие боги не окажут им своего покровительства...

Дальнейшее грекам и колхам запомнилось по-разному. Они согласны в одном: все решило вмешательство Афродиты – богини любви.

...Кроме Карисы у Аэта была младшая дочь – Медея. Тихая, замкнутая девочка, она с детства как тень, следовала за своей тетушкой – ведуньей и знахаркой. Вместе с ней собирала волшебные травы и корни, гадала по звездам и внутренностям жертвенных животных, помогала варить снадобья и ворожила темными ночами. К шестнадцати годам она превзошла в ведовстве всезнающую старуху и прослыла волшебницей.

Но ворожба совершалась под таинственным покровом ночи. А днем Медея любила ездить в цветущий сад у моря. Для поездок царевны в колесницу запрягали самых спокойных и сильных мулов и снаряжали расторопных дворцовых девушек. На берегу моря среди цветущих деревьев девушки играли в прятки, купались, водили хороводы и украшали друг друга венками из цветов. Лишь тоненькая светловолосая царевна оставалась тиха и задумчива. Веселые сверстницы с тайной робостью поглядывали на свою госпожу: неужели колдунья?..

...Наутро по прибытии в Кол-

хиду предводитель аргонавтов, Язон направился к Аэту. В белой тунике, с оливковой ветвью в руке, он всем видом подчеркивал свое миролюбие. Однако тревога и беспокойство не отпускали героя. Пытаясь их развеять, предводитель аргонавтов небрежно нахлестывал себя оливковой ветвью по загорелой ноге.

Великолепный дворец Аэта только усилил его смятение: с владельцем такого дворца шутики плохи. Здесь гостю следовало вести себя почтительно и осторожно и, уж конечно, не предъявлять странных требований... В который раз с начала плавания недоброе предчувствие стеснило грудь Язона. Он замедлил шаги и совсем было остановился, но вспомнил про спутников, ждущих на «Арго», – отступить было поздно!..

...Они встретились в колоннаде дворца. Медея спешила к тетушке – рассказать сон, виденный минувшей ночью. Она остановилась, как вкопанная, и тихонько вскрикнула: перед нею стоял герой ее сна – светловолосый красавец в короткой тунике, со стройными загорелыми ногами, обутыми в сандалии...

Это так походило на продолжение сна, что не было сил стряхнуть наваждение.

От тетушки Медея узнала о прибытии «Арго» и возвращении беглецов-племянников. Однако, радостная новость оставила ее

равнодушной. Единственное, что ее занимало, – встреча в колоннаде дворца.

Под удобным предлогом Медея покинула тетушку и поспешила к отцу: любимице Аэта дозволялось в любое время входить к нему.

Стража почтительно расступилась – отворила дверь. Мраморный пол заглушил шаги.

Аэт сидел на троне, похожий на льва с седеющей гривой, и, хмурясь сквозь дрему, слушал чужестранца. Тот говорил пылко и многословно, звучанием родной речи одолевая накапывающую робость. Его царственная осанка и жесты были красивы, их изящество сочеталось с мужеством и силой. Но взгляд, следящий за Аэтом, выдавал неуверенность.

Медея пересекла зал и села поодаль от отца. Она только раз взглянула на чужестранца и опустила глаза: да, это несомненно был он, герой ее сна... Он стоял посреди зала, такой беззащитный в своей белой тунике, и такой молодой. Как зачарованная, слушала Медея божественную эллинскую речь и не сразу поняла, почему чужестранец вдруг умолк. Она припомнила последние слова, как бы повисшие в наступившей тишине: если ее не обманул слух, чужестранец объявил, что прибыл за золотым руном.

При этих словах Аэт нахмурился и выпрямился. Руки на

Мария Каллас на съемках фильма «Медея». 1969

подлокотниках трона обрели сходство с львиными лапами. Медея достаточно знала отца, чтобы понять – чужестранцу грозила опасность! Крут был царь колхов. Крут и горяч.

«Отец! – мысленно взмолилась она, устремив на него пронзительные светлые глаза. – Пощади!..»

И Аэт укротил гнев. Он решил не казнить чужестранца, а поставить невыполнимые условия: ах, ты хочешь получить золотое руно, тогда сделай то-то и то-то... А не сделаешь, ступай на все четыре стороны и пеняй на себя. Очень удобная форма отказа. Жизнь научила Аэта мудрости. Лев в его душе постарел и больше не жаждал крови...

Язон перевел дух: туча, сгустившаяся над ним, прошла стороной. Гром не грянул, а лишь угрюмо проворчал вдали. Почти с облегчением он выслушал условия Аэта и поспешил на берег Фазиса, где в густых камышах покачивался «Арго».

Он шел по дороге, обсаженной фруктовыми деревьями, и вспоминал подробности минувшего дня, ибо чувствовал: этот

день – главный в его жизни. Но, почему? Незнакомая страна, город, дворец Аэта, разговор с ним – все было ново и необычно. Но, в конце концов, яркие впечатления – свойство всех путешествий...

И тут Язон вспомнил – Медея! Тоненькая девушка, вошедшая в тронный зал и севшая поодаль от отца. Волшебница царевна, недвигная, как статуя Фидия. Краем глаза он все время видел ее. Кого-то она напоминала Язону. Кого-то очень близкого, почти родного... Язон перебрал в памяти знакомых женщин, оставшихся в Греции, и вдруг остановился как вкопанный – нет, не на женщину походила Медея, а на море. Море, таящее бурю...

А что Медея? Какими словами передать ее чувства способные и через тысячелетия волновать нас? Поэты и мудрецы пытались постичь душу этой женщины – одной из самых трагичных на Земле, художники изображали ее, а великие актрисы играли на сцене... После ухода Язона она убежала к себе в башню на краю дворца

и заперлась. Она готовилась к поступку, которому суждено было изменить все в ее жизни, превратить ее из любимицы-царевны, избалованной родней и челядью, в изменницу, изгнанницу, беглянку. Она отрекалась от родины, брата, отца, сестры, веселых сверстниц и цветущего сада на берегу моря, от гор и рек любимой Колхиды. И все это ради светловолосого красавца в белоснежной тунике, встреча с которым в колоннаде дворца решила ее судьбу. Судьба – ни для кого это слово не значило так много, как для Медеи...

Она поможет чужестранцу выкрасть золотое руно, шкуру барана, висящую в тайнике за тронном Аэта. Для этого придется опоить отца и дворцовую стражу снотворным зельем. А если в снотворное подмешать волшебной травы, им привидятся сны, не отличимые от яви. И пусть потом, когда беглецы будут далеко, они рассказывают эти сны, удивляя и пугая слушателей...

Не отголоски ли волшебных снов дошли до нас в «Аргонатике»...

ИГРАТЬ «ПО-ЖИВОМУ...»

— Инна БЕЗИРГАНОВА

Появление в театре нового актера, как правило, интригует. Всмотриваешься в его лицо, ждешь первого выхода на сцену... Олег Мчедлишвили взял Грибоедовский, что называется, штурмом – блистательно сыграл Ваню Шишкова в инсценировке рассказа «Акулькин муж» (повесть «Записки из Мертвого дома» Ф. Достоевского, спектакль поставил Андро Енукидзе), показав психологический надлом своего героя.

...А было это в 2009 году. Тогда актер запомнился зрителям органичностью существования в образе, точными акцентами, мужской харизмой. С возрастом мастерства, да и той самой харизмы только прибавилось.

ВАНЯ ШИШКОВ

«Достоевский – мой любимый автор, которого я часто, с какой-то параноидальностью, перечитываю, – говорит Олег Мчедлишвили. – В нем есть потрясающе глубокое знание, ощущение человеческой природы, не имеющей пределов. И ее можно бесконечно открывать. Человек – огромная вселенная, которую невозможно до конца познать и описать, тем и интересен. Шишков – моя первая роль в театре Грибоедова,

и уже такая махина! Я всегда придумываю внутреннюю историю персонажа. Когда мой герой выходит от Акулины после первой брачной ночи и объявляет, что она невинна, зрителям не совсем понятно, что все-таки между ними произошло на самом деле. Мне очень важна мотивация моего героя. Нужно представить, что же такое произошло с Шишковым, что стало его ломать и в итоге привело к убийству... Дело не только в

Фильке, но и в Акулине: она не любит его. По мнению Шишкова, она его предала. Предательство именно в ее нелюбви – Акулина относилась к нему... никак, равнодушно. Что бы он ни сделал. Когда Ванька выходил к людям и разыгрывал спектакль о невинности ново-брачной, я каждый раз немного по-другому мотивировал его поведение. Мне не интересно было играть просто несчастного парня».

«Достоевский.ru»

Итак, первая работа – первый успех, первые аплодисменты, первая радость... Каждая новая роль Олега Мчедлишвили только подтверждала первое впечатление. Его вдумчивый подход к каждой роли, глубинное ее проживание помогли созданию целого ряда классических образов. Среди них – Кочкарев, Холстомер, Дон Гуан, Гаев.

КОЧКАРЕВ

В спектакле «Женитьба» в постановке Авто Варсимашвили Кочкарев – явление чуть ли не inferнальное. Он и появляется-то на сцене при словах «черт паршивый!», произнесенных свахой Феклой Ивановной. Говорят же, не поминай нечистого всуе – а то лукавый появится! В следующем эпизоде сваха буквально убегает от Кочкарева с воплями «черт, черт!» Прикрывая лицо руками в белых перчатках и глядя сквозь пальцы на Феклу Ивановну, Кочкарев – Олег Мчедлишвили, конечно, просто ерничает, валяет дурака, но в этом розыгрыше есть что-то пугающее, даже зловещее. В другой сцене, неистово вращая зеркало-дверь, закрепленную на оси, Кочкарев слишком увлекается своей бесовской игрой. Его прыжки и глумливый смех приводят Подколесина в смятение. «Пошутил!» – успокаивает друга Кочкарев. «Напугал!» – говорит не на шутку взволнованный Подколесин. Так же многозначительно представление Кочкарева тетке невесты Арине Пантелеймоновне. «Да

неужели вы меня не узнаете? – «искренне» недоумевает Кочкарев. – Однако ж припомните. Вы меня, верно, где-нибудь видели!» Зеркала приходят в движение... Из этих дверей-зеркал появляются персонажи спектакля. И этой бесовской вакханалией искусно «дирижирует» Кочкарев в исполнении Олега Мчедлишвили.

ДОН ГУАН

В спектакле «Дон Гуан» «Маленькой трагедии» Пушкина режиссер Андро Енукидзе доверил Олегу Мчедлишвили главную роль. Его уставший от жизни Дон Гуан, казалось бы, не верит ни в Бога, ни в черта.

«Женитьба»

Но он не на шутку взволнован, услышав имя Доны Анны. Ведь все, кого он встречал на своем пути, – либо «куклы восковые», либо распутницы. А Дона Анна для Гуана – это отголоски давней, очень давней мечты о чистоте и верности. Но святая свергнута с пьедестала. И не без помощи «безбожного развратителя». Гуан ощущает какую-то внутреннюю пустоту, а главное – невозможность существования в прежнем качестве и в то же время неспособность к реальному «перерождению» (Хотя и убеждает Дону Анну: «Но с той поры, как вас увидел я, Мне кажется, я весь переродился!»). Все слишком поздно – в нем уже произошел слом. И Гуан предчувствует смерть и даже выражает готовность принять свой уход. «Что значит смерть? За сладкий миг свиданья безропотно отдам я жизнь!» – без всякого пафоса произносит герой Олега Мчедлишвили. Смерть для него – фатальная неизбежность. Гуан знает, что, пригласив Командора в гости, приговаривает себя к смерти...

ДЖЕРРИ

Особняком в творчестве Олега стоит образ Джерри из дипломной работы Валерия Харютченко «Зона турбулентности, или В поисках потерянного рая» по мотивам пьесы амери-

канского драматурга-абсурдиста Эдварда Олби «Что случилось в зоопарке». В спектакле представлена модель мира накануне мировой катастрофы – болезненное человеческое сознание, разобщенность, невозможность выстраивать нормальные отношения между людьми. Премьера состоялась в рамках Тбилисского международного фестиваля искусств имени М. Туманишвили «Gift» и получила высокую оценку зрителей и театроведов. Была отмечена и прекрасная работа Олега Мчедлишвили.

– Как относишься к своему герою – аутсайдеру Джерри?

– Материал интересный, и я сразу согласился на предложение Валерия Харютченко принять участие в этом необычном проекте. В процессе работы мы много спорили. Валерий был на стороне Джерри, а вот я не был адвокатом своего персонажа.

– Валерий был, скорее, на стороне Эдварда Олби.

– Джерри говорит, что его не слышат окружающие, что он одинок. Но тебя и не услышат, когда ты прессируешь человека, когда у тебя все выражается в форме монолога. Когда ты прикалываешься над своим собеседником, но при этом хочешь, чтобы тебя выслушали. Так не бывает – от этого возникает только отторжение. Если никто не хочет с тобой общаться, нужно задуматься: может быть, это во мне что-то не так, если со мной не желают контактировать?

– Ты критично относишься к своему герою?

– Я сам сложный человек. Мало с кем общаюсь.

– Значит, в тебе все-таки есть черты Джерри?

– Наверное, да. До того момента, пока Джерри не решил с кем-то поговорить, пока не начал беседовать с человеком на скамейке. Я сам прекрасно схожу с ума в одиночестве. Разговариваю только с теми, кто говорит со мной. Если я вижу, что человек не идет на контакт, я к нему никогда не подойду, не буду заставлять слушать себя.

«Дон Гуан»

Слушать «до смерти»!

СОЛНЕЧНЫЙ УДАР В ПАРИЖЕ

Недавно Олег покорил еще один творческий «Эверест» – в форс-мажорных обстоятельствах вошел в спектакль по Бунину «Аллеи любви» (режиссер Авто Варсимашвили), причем актеров сразу в двух новеллах – «В Париже» и «Солнечный удар», легко поймав нужную интонацию и удивив публику пронзительной, обнаженной правдой чувств.

– В нашей профессии повсякому бывает. Иногда играешь по-живому, и возникает ощущение настоящего искусства. Тогда это – профессия. Но бывает и так, что актерство ограничено дурацким лицедейством: можно сделать и так, и по-другому, подойти и с этого конца, и с противоположного, а разницы, по сути, никакой! Когда одни и те же смыслы, одни и те же эмоции и концепты. Спектакли сегодня порой шокируют своей жестокостью, сценическими ужасами. Хочется чего-то человеческого, про людей, про жизнь, про любовь... А не про

кошмары вокруг. Театр не перещеголяет ужас нашей реальности. Видели мы уже по телевидению, как пытаются, убивают... Но при этом нельзя забывать о том, что человек не только гадит, мучает, насилует ближнего, он еще любит, порой жертвует собой ради кого-то. А еще бывает смешным и обаятельным, приносящим людям радость.

– И театр должен быть таким?

– Наверное. Время такое. Но ничего живого нет. Разве можно постоянно ставить классику? Все время рассказывать одну и ту же историю, то так ее перевернув, то эдак? И все время на это ходить и смотреть? А я пожить хочу, а не разгадывать чьи-то ребусы.

– Может, нужны современные пьесы?

– Нужно то, что дышит. Не могу иначе определить... Так что я отношусь к профессии актера трепетно, когда это действительно профессия. Она очень интересная, но артиста должно что-то зажигать.

– Зажгло ли тебя участие в

спектакле «Аллеи любви»?

– Безусловно, зажгло! Потому что это во мне живет. Авто поставил интересный, сложный спектакль. Великолепный материал. Появилась возможность сыграть судьбу. В спектакле одинокие люди жаждут человеческого общения. И не нужно на голове стоять, изобретать велосипед. У меня как-то все срослось и начало развиваться. Каждый раз выхожу в этом спектакле, как в чем-то новом. Чем это закончится, куда меня поведет, не знаю. Войти в новеллу «В Париже» в короткий срок мне помогла замечательная партнерша Нина Кикачишвили. Это роль, в которую я вкладываю душу. Мне близок этот язык, эта система чувств, когда люди ярко, как в первый и в последний раз, любят. Такой материал – именно то, ради чего хочешь приходить в театр, репетировать, играть. Или другая новелла Бунина – «Солнечный удар». Она уехала, а ты неотступно думаешь о ней. Это же болезнь... Когда я произношу, что не увижу свою любовь «никогда, никогда, никогда», мне больно от этих слов. Потому что ими я приговариваю ее к смерти. Я говорю «никогда» не с сожалением, а так, как будто действительно убиваю... этого ангела. Бью по любящим глазам. Люди встречаются, расстаются и убивают прекрасное. Бунин это заметил. Потому что

«Аллеи любви»

«Зона турбулентности, или В поисках потерянного рая»

он – Бунин. Ты ушел, а она, возможно, всю жизнь будет тебя любить и вспоминать... Но может актера повести и в другую сторону. К примеру, в нашем спектакле происходит самоубийство героя. А я не хотел так играть: сейчас застрелюсь! Принял решение, поклонился партнеру, сказал пару последних слов и пошел умирать. Не то! Просто ему очень больно. А выстрел за тебя сыграл финал. Я играю самое главное. Не то,

что он застрелился. Главное – что такое любовь. Возможно, действительно болезнь. Бунин не дает ответа на вопрос, что это такое.

– Но твой жизненный опыт, конечно, пригодился.

– Не знаю... Иногда говорят, что актер внутренне может быть абсолютно пустым, а выходит на сцену и выдает высокий уровень игры. Так что непонятно, нужен ли актеру опыт и высокий интеллект. Порой интересно мыслящий, рассуждающий актер на сцене – никакой. У каждого из нас свой стиль, почерк. Замечательно, когда режиссер это чувствует, понимает, как использовать твой потенциал.

– У тебя репутация мастера импровизации. Как правило, вносишь в роли какие-то неожиданные нюансы, краски...

– Люблю посмешишь людей, пошутить.

– Но ты импровизируешь не только в комедийных ролях, детских спектаклях. В этом, наверное, проявляется творческий азарт, нереализованная энергия. В «Женитьбе». Там у тебя многое на импровизации построено.

«Вишневый сад»

– Да, я никогда ничего не повторяю, стараюсь не быть одинаковым в заданном режиссером рисунке. Иначе – скучно, не по-живому. Любая профессия неинтересна, если она не по-живому.

– Какая роль помогла тебе обрести какое-то новое актерское качество?

– То, что во мне есть, оно есть. Если повезет, то мне удастся это выразить на сцене. И, может быть, родится что-то новое. Иногда это получается, иногда – нет. Но я никогда не думаю о том, что обрел какое-то новое качество как актер. Пусть об этом другие судят. А я как ощущал себя, так и ощущаю. Сначала работал в ТЮЗе и спустя какое-то время вышел в спектакле «Старая актриса на роль жены Достоевского» Э. Радзинского. Выяснилось, что я способен вести спектакль на двоих. Кому-то понравилось, кому-то – нет. Но стало понятно, что я могу справиться со сложной творческой задачей. Это была первая настоящая, серьезная роль! Пришлось, конечно, помучиться, много спорить, но в итоге спектакль получился. На него пришла актриса Ирина Владимировна Квицинадзе,

мой педагог по речи на курсе Игоря Пилиева, спектакль ей понравился. И вскоре с согласия Авто Варсимашвили я стал актером театра имени Грибоедова. Буквально через месяц раздался звонок – начинались репетиции спектакля «Достоевский.ru».

– Какой театр тебе интересен сегодня?

– Современный театр – это сплошная жалоба на несовершенство мира. А я хочу, чтобы в театр ходили за другим, чтобы выносили из увиденного то, что помогало бы им жить дальше. Когда 11 сентября произошла террористическая атака на здания-близнецы Всемирного торгового центра в США, последние слова, которые говорили своим близким люди на пороге гибели: я тебя люблю. А мы людей чаще осуждаем или презираем, хотя в разных ситуациях человек себя по-разному проявляет. Часто им движет страх. Нет ничего хуже человека, который все время боится. Это ужасно – всю жизнь бояться! Зачем вообще такое существование? Спросишь себя: «Что ты делал всю свою жизнь?» Боялся. Ни за кого не заступился, никогда не говорил то, что думал, да и думать ста-

рался... не очень. А если еще при этом ты человек искусства – актер, художник, певец? Нет, ты должен отличать добро от зла! Хотя поди разберись в этом сегодня. Все так переплетено. Но все равно ты обязан заставить зрителя улыбнуться, помочь найти какой-то выход...

Люблю «Вишневый сад» в постановке Андро Енукидзе, где я играю Гаева. Сад чаще трактуют как метафору, имеют в виду что-то родное, с чем приходится расставаться, но не сад сам по себе. А для меня главное – попрощаться именно с садом. Побывать напоследок в этом вишневом саду, с ним, конкретно. Что такое сад? Это то живое, с чем ты связан воедино. Может, такое понимание откроет что-то новое, другое, с чем мы действительно разъединяемся? Человеку свойственны огромные чувства, невероятный потенциал любви, который он может вложить во что угодно. По-моему, именно об этом сегодня нужно говорить.

От всей души поздравляем Олега Мchedlishvili с юбилеем! Желаем многих радостей и удач, добра и мира!

Ольга Киричкова

ИЛЛЮЗИЯ НЕБЫТИЯ

23 сентября – день памяти Владимира Саришвили, поэта, переводчика, редактора, журналиста. Так совпало, что одной из последних книг, подготовленных им к печати, стал поэтический сборник Ольги Киричковой «Сквозь пальцы времени». Владимир сам отобрал стихотворения и написал предисловие.

Для «заправки» немного «сухой» статистики. Ольга Киричкова родилась в 1960 году в Сибири, в городе Кемерово. Восьмилетку окончила в Грузии, куда переехала семья. Аттестат об окончании десятилетки получила уже в Тбилиси, после чего продолжила обучение в тбилисском эстрадно-цирковом училище по специальности «Женщина-каучук». Публикуется с 2003 г. – подборки стихотворений Ольги Киричковой были напечатаны в тбилисских русскоязычных изданиях «Русское вече», «На холмах Грузии», в литера-

турных приложениях к журналу «Русский клуб»; в калининградском альманахе «Балтика», в киевском альманахе «Писатель в Интернет-пространстве».

Ритмические изломы в ряде стихотворений Ольги Киричковой – это не следствие дефицита чувств ритма и размера. Представляется, что здесь имеет место, назовем его так, «эффект Эмили Дикинсон», чьи с виду неровные строки на самом деле таили подтекст, оставивший часто неосознанное, но ярко отраженное в читательском подсознании впечатление.

Эта особенность дарования Ольги Киричковой в чем-то сродни (прежде всего в эмоциональном ключе) таким феноменам, как женский теннис или женские шахматы, где ритмические сбои – тоже не редкость.

Что касается поэзии, то, на мой вкус, женщины и мужчины здесь гораздо ближе к равноправию, чем, к примеру, в искусстве музыкальной композиции.

Особенность поэтического взгляда на мир автора в том, что слово и графическая композиция в ее творческом преломлении словно бы сосуществуют, нередко даже сливаются в единое целое. Она знает ключ к «шифрам» линий, очертаний,

Владимир Саришвили

– будь то на плитах облицовки станций метро или на проспекте Руставели, в скалах или стенах храмов – всюду Ольга видит художественно осязаемые образы, которые затем переносит в ткань стихотворную. И не только видит, Ольга – настоящая мастерица вышивки и других форм прикладного искусства, ее рисунки, как и стихи, отличаются своеобычностью интонации.

Еще один штрих – в стихотворениях Ольги Киричковой отчетливо прослеживается «андерсеновское» колдовство оживления предметов, подчас самых невзрачных, или «сданных в архив». И если у Андерсена могут быть и фарфоровые безделушки, и оловянные солдатки, и даже сломанные штопальные иглы и бутылочные осколки, то у Ольги Киричковой, например, «Вся в паутине и трещинах / Забытая флейта в подвале...».

К сказанному остается добавить, что нам с вами, дорогие читатели, довелось жить в эпоху предельного сокращения пространства сокровенной жизни, минимализации свободы частного времяпрепровождения. Мобильный телефон стал для нас слугой и стражником в одном лице – человеческая личность находится под его постоянным контролем, нам в любую секунду могут позвонить знакомые, навязывая свои планы, или деловые центры, «впаривая», да простится мне жаргонизм, свои товары и услуги. В ответ мы начинаем кратно увеличивать фактор лжи в общении – надо постоянно придумывать, как отказаться, как спастись от нежелательных предложений.

Многие, не выдерживая подобного натиска, периодически «перегорают», уходят в забвение с помощью разных подручных средств и попросту перестают отвечать на звонки и электронные (других уже практически и нет) письма, какое-то время отказываясь выходить на контакт.

Гораздо меньше тех, кто, как и автор этого сборника лирики, представленного на суд читателя, спасаются творчеством, демонстрируя силу духа, твер-

дость воли.

И, хотя Ольга Киричкова, в отличие от редактора сборника, не играет в шахматы, она все же обладает всем необходимым арсеналом серьезного игрока: чувством ответственности за свою «позицию» и, пусть и не всегда безупречные, решения; умением бороться с поражениями и «держат удар», а самое главное – психологической готовностью к поединку с судьбой, честному бою за счастье – свое и своих детей.

Владимир Саришвили

Ольга КИРИЧКОВА

Я буду лгать себе и дальше,
Пытаться позабыть тебя,
И кружева печальной фальши
Рукой печальной теребя,
Из глубины души достану,
Случайно встретившись с тобой.
Я никогда твоей не стану,
Несовпадения целый строй.
Нераспустившегося почкой
Поникло чувство, чуть дыша,
Строку венчает просто, точкой,
Оточенность карандаша.

Иллюзия небытия
В состарившейся батарейке.
Стоят часы, а рядом я,
И стол, и белая скамейка.
Как хочется порой в закат,
Предаться этому обману.
Ни перетягивать канат,
Ни спорить зря ни с кем
не стану.

Вытягивать наверх со дна
Окаянно-глухую душу
И мысль свербит одна. Одна?..
Устала слышать я и слушать...
Тут новости, там –
праздность слов,
Здесь – перезвон часов,
бокалов.

Пусть невелик мой путь, улов,
Но для небытия немало.
Души коснулась легкость тихо
Ну что за шум и суета?
Взметнулся пульс, забился лихо,
И в маятнике маета...
Иллюзия небытия
Исчезла в новой батарейке.
Бегут часы, а с ними я,
И стол, и ста-арая скамейка.

Так по-хозяйски в феврале
Снег сыплется и студит землю,
И год зачат в календаре,
И до весны природа дремлет.

Работы Ольги Киричковой

А новый круг – он закруглен?
А луч – он прям, как нам
толкуют?
Пронзив и утро, и балкон,
Он относительность рисует.

Мне звездных троп не одолеть,
Звездой падучей
не промчатся.
Мне сдаться? Быть?
Или посметь?
Уйти во тьму? Или остаться?

«STEP BY STEP» СЛАВЫ СТЕПНОВА

Актер, режиссер, драматург, педагог Вячеслав, Слава Степнов празднует в нынешнем году сразу два важных события: семидесятилетний юбилей и четверть века со дня основания уникального Театра STEPS, спектакли которого идут на русском, английском и испанском языках с участием актеров разных национальностей и разных театральных школ. Эти две даты Степнов отметил премьерой долгожданного спектакля «Жопкин хор» по собственной пьесе. В фокусе художественного осмысления – жизнь эмигрантов. В пьесе соединяется комическое и трагическое.

Не случайно театр уроженца Керчи, выпускника московского ГИТИСа, бывшего грибоедовца Славы Степнова называется STEPS – в переводе с английского «шаги». Шаг за шагом, step by step, Вячеслав Юрьевич приближался к заветной цели – созданию авторского театра.

«Мой театр начался давно и далеко отсюда, – рассказывал Степнов в одном из интервью. – Возможно, на южном пляже, когда меня, керченского пацана, заметили работники съемочной группы, приехавшие в Крым снимать телевизионный фильм. Искали типажи, я им приглянулся, и они утвердили меня на роль юного подпольщика... Была опасность застрять в «киношных мальчиках» – были предложения и дальше «крутиться в кинематографе», но старшие товарищи вовремя подсказали, что это не-

верный путь. Родители переехали жить в Сибирь. Закончил школу. Не поступил в театральный институт с первого раза. Начал работать в омской драме: грузил и монтировал декорации к спектаклям, забил в сцену свой первый гвоздь... Хочется думать, что там – мои профессиональные истоки... Это нормально, когда театр начинается не с приказа министерства культуры, не с формальной концепции, а – «ниоткуда, из небытия». Театр, как и жизнь, надо уметь сочинить...»

Несколько значимых шагов, приближающих к осуществлению мечты, Слава Степнов сделал в Тбилиси, в русском театре имени А.С. Грибоедова. Служил здесь с 1979 по 1982 г. В 1979-м сыграл Прова в спектакле по пьесе Виктора Розова «Гнездо глухаря» (режиссеры Гизо Жордания и Гурам Черкезишвили). В 1980 году – эпизод в спектакле «На большой дороге» Александра Котетишвили (режиссер Лейла Джаши).

На малой сцене театра начал работать в качестве режиссера над спектаклем по поэме А. Блока «Двенадцать». Увы, репетиции были прерваны. В 1981-м Степнов сыграл эпизод в спектакле «Синие кони на красной траве» Михаила Шатрова (режиссер Гизо Жордания).

«С благословения Нодара Думбадзе первым сделал инсценировку по роману «Закон вечности», предложил ее театру Грибоедова. Это было уже перед моим отъездом из Грузии, так что

с моей версией не сложилось...» – рассказывает Вячеслав Юрьевич.

Еще одна сфера творчества Степнова в Грузии – режиссер-постановщик эстрадных концертов в Грузинской филармонии. «Можно сказать, греческий ансамбль «Эллада» – мое детище. Словом, интересно и достаточно насыщенно прожил эти годы в Тбилиси», – вспоминает Слава Степнов.

1995 год разделил жизнь Вячеслава Юрьевича на «до» и «после»: он эмигрировал в США и сумел там не просто остаться в профессии, что само по себе большая редкость, но и добиться на театральном и литературном поприще значительных успехов.

STEPS начался с постановки чеховской «Чайки» – весьма амбициозный ход, если припомнить историю рождения Московского Художественного театра... На сцене STEPS шли «Лолита» Эдварда Олби, «Ошибка природы» по рассказам Пиранделло, «Убить Шарлотту» – версия чеховского «Иванова», «Каин» Байрона, «Прошлым летом в Чулимске» Вампилова, «Маленькие трагедии» Пушкина, инсценировка романа И. Б. Зингера «Враги. История Любви», «Спросите Иосифа» (пьеса Славы Степнова, написанная в соавторстве с Романом Фрейдом)... Спектакль «Спросите Иосифа» принял участие в международном театральном фестивале «Соотечественники» в Саранске, его показали в Москве, в рамках программы «Мир русского театра за рубежом» (организатор – журнал «Театрал»). А за спектакль «Василий + Федерико», по рассказам Василия Шукшина на международном театральном фестивале «Русская классика» Лобня-Москва Слава Степнов получил приз в номинации «лучшая режиссура».

В юбилейный год произошло еще одно значимое событие – в Москве, в издательстве «Арбор» вышел сборник пьес, эссе, заметок и интервью Славы Степнова под названием «Буковки, не провалившиеся в щель». От души поздравляем! И пусть Вячеслав Юрьевич сделает еще миллион шагов навстречу новым успехам!

Здание советского посольства в Тегеране

Те имена, что ты сберег

■ Владимир ГОЛОВИН

Тегеран-43. Капитан британской разведки Николас Кей, работающий в посольстве своей страны в Иране, получает новое назначение: адъютант главы службы по обеспечению с британской стороны безопасности Тегеранской конференции. На которой впервые в истории встречаются руководители трех крупнейших стран антигитлеровской коалиции – председатель Совнаркома СССР Иосиф Сталин, премьер-министр Объединенного королевства Уинстон Черчилль и президент США Франклин Рузвельт. С новыми обязанностями разведчик справляется на «отлично», особенно восхищает всех, каким хорошим русским языком он разговаривает с советскими коллегами. Но мало кто знает, что он общается с ними и на... грузинском. Конкретно – с генералами из охраны Сталина и их грозным шефом Лаврентием Берия. Ведь настоящее имя мистера Кей – Мераб Квиташвили. И родом он не из Англии или

Шотландии, а из грузинского города Ланчхути.

Мераб родился в 1902 году в семье юриста Симона Квиташвили, который окончил юридический факультет Одесского университета и защитил в университете Петербурга докторскую диссертацию на весьма примечательную тему: «Неправомерность смертной казни». Его похвалили, но докторскую степень не дали. И Симон уходит в коммерцию. В Баку в годы Первой мировой войны входит в совет директоров товарищества «Рупенто», занимавшегося добычей и продажей нефти.

Зарабатывает он неплохо и немало денег тратит на общественную деятельность, возглавляет основанное в Баку Общество распространения грамотности среди грузин. А в 1919-м деловые интересы приводят его в Лондон. Там семья, включая ее главу с женой и четырьмя детьми, принимает фамилию Кей.

Старший сын Мераб (он же – Николас), свободно говорящий на грузинском, французском, немецком и русском языках, на-

столько осваивает английский, что учится сначала в Оксфорде, а затем – в Бирмингемском университете, где заканчивает факультет горнопромышленных технологий. После этого начинают странствия инженера Кея по всей Британской империи, растет его авторитет в деловых кругах.

Вторая мировая война застает его в Западной Африке, в британской колонии Золотой Берег, ставшей теперь государством Гана. Там он возглавляет завод по переработке золотой руды. Узнав о начале войны, он добивается британского гражданства и добровольцем отправляется в армию. Так начинается новая, полная приключений и тайн жизнь, достойная сюжета захватывающего блокбастера.

Офицерская школа, служба в бронетанковом корпусе, учеба в военной разведывательно-информационной школе... Офицер разведки Кей два года работает в Северной Африке, участвует в боевых операциях, несколько раз его ранят, а в 1942-м – серьезное ранение в голову и потеря зрения. Усилия

Мераб Квицашвили

врачей оканчиваются успехом, зрение возвращается, и Мераб снова на секретной службе Его Величества – Ливия, Греция, Палестина, Ирак...

Тем временем появляется реальная опасность оккупации Кавказа нацистами. И британскому командованию важно знать, как будут действовать кавказские республики – примут наступающие войска гитлеровцев или окажут им сопротивление? В первую очередь решают узнать мнение офицеров, приехавших в Англию с Кавказа. Вот что вспоминает Мераб, работавший тогда в Багдаде:

«Чтобы получить информацию по этому вопросу, командование Великобритании выдало военнослужащим кавказского происхождения, проходящим службу в английской армии, карточку из 16 пунктов. Я написал подробный ответ. Главной целью моего ответа было убедить командование Великобритании в том, что, во-первых, Кавказ не является монолитом, а во-вторых, что народы Кавказа, в частности грузины, армяне и азербайджанцы, поддержат государство, которое сможет предложить этим народам политическую свободу, захваченную русскими. Я отметил, что сотрудничество кавказцев и грузин с немецкой армией вызвано не их симпатией к фашизму как идеологии (демократические традиции грузинской культуры и государственности исключают

ли симпатии к фашизму), а ради освобождения родины».

Инициаторы опроса посчитали ответы Квицашвили наиболее интересными, в военных «верхах» стали пристально присматриваться к капитану, имеющему опыт секретной работы, общения с самыми разными людьми и говорящему на нескольких языках. И он оказывается в британском посольстве в Тегеране, неважно, на какой должности – в дипломатических представительствах всегда готово место для разведчиков. А потом...

«В среду, 24 ноября 1943 года, в 10 утра я работал в своем кабинете в посольстве Британии в Иране, когда ко мне подошел полковник Райен. Первым делом он предупредил, что все, что собирается мне сказать, находится под грифом «совершенно секретно». И далее сообщил, что в ближайшие дни в Тегеране должна состояться встреча на высшем уровне. Всеми вопросами безопасности занимается он, а меня назначает своим адъютантом... Все участники должны были приехать в Тегеран 27 ноября. Длительность конференции не знал никто. Все было в тайне».

На время конференции посольство СССР в Тегеране при-

нимает не только Сталина, но и Рузвельта – советский лидер убедил американца, что так будет безопаснее. Черчилль размещается в посольстве своей страны. Там Квицашвили – один из тех, кто руководит обеспечением безопасности премьера. И туда являются на предварительную встречу трое советских коллег – начальник Отдела железнодорожных и водных перевозок НКВД генерал-майор Дмитрий Аркадьев и пара его подчиненных.

«Военный атташе Британии генерал-лейтенант Фрейзер, который дружил с моей родственницей Кето Микеладзе и был влюблен в нее, прислал их ко мне. Так как только я мог говорить по-русски, именно он предстояло переводить. «Вы, наверное, понимаете, что если что-то случится с Черчиллем или Рузвельтом, то допустившего это офицера будут судить и накажут, – обратился ко мне Аркадьев. – Но если что-то произойдет со Сталиным, то нас расстреляют на месте». И он сделал красноречивый жест – поднес руку к горлу», – вспоминал Мераб о «специфике» работы чекистов.

А это – о своих отношениях с ними: «Я отвечал за все. Поначалу приходилось сложно...

Участники Тегеранской конференции

Капитан Начкебия

Советские офицеры все время смотрели на нас с подозрением. Единственным нормальным человеком был генерал Шалва Церетели, начальник охраны Сталина. Очень воспитанный, он произвел на всех хорошее впечатление. Он был очень интересным человеком, на много голов выше остальных советских офицеров, которые находились в Тегеране. Один из них, генерал-майор Начкебия, был человеком гигантского роста, но у меня было впечатление, что он все время чего-то боится».

Тут надо сказать, что на этот раз чутье подвело британского разведчика. «Очень воспитанный человек, который произвел на всех хорошее впечатление», на самом деле был страшной личностью. Церетели выполнял тайные «деликатные» поручения Берия, которому был беззаветно предан. Так, в вагоне поезда Москва-Цхалтубо он убил молотком посла СССР в Китае Ивана Бовкун-Луганца (Орельского) и задушил его жену. Он тайно арестовал жену маршала Григория Кулика и после допросов доставил ее на расстрел без возбуждения уголовного дела. Да и вообще, был специалистом по негласным арестам-похищениям.

В Наркомате внутренних дел СССР, куда Берия привез его с собой из Тбилиси, он не имел конкретной должности, но был членом беспощадной внесудебной «тройки» НКВД. И о всех своих действиях отчитывался только перед Берия, который именно ему поручил «взять» своего предшественника на посту наркома Николая Ежова и

его заместителей. Всего этого Квиташвили знать не мог и вспоминал о Церетели с симпатией. Вот отрывки об их общении с британским премьером.

«30 ноября Черчиллю исполнилось 69 лет. На свой день рождения Черчилль пригласил всех участников конференции. Обед должен был состояться в британском посольстве. В назначенный час начали приходиться гости. Черчилль лично встречал их... Сталин вышел из машины и пошел к лестнице, где его ждал Черчилль. Они тепло встретились, пожали друг другу руку и вошли в здание. Я вошел внутрь с Церетели. Всего на банкете было 30 человек: послы, маршалы, генералы. Среди них и один грузин: Сталин-Джугашвили... Можно сказать, он был центральной фигурой вечера».

Тут повествование прерывается удивительным пассажем: «Но самым невероятным было то, что всю эту элиту защищали три грузина: генералы Церетели и Начкебия с советской стороны и капитан Мераб Квиташвили со стороны западных союзников. Все время, пока шел обед, в моих руках и руках Церетели и Начкебия была судьба всего мира. При входе в посольство меня никто не обыскивал. Я запросто мог пронести туда мощную гранату и устроить взрыв. Церетели и Начкебия могли бы сделать то же самое. Если бы это произошло, трудно представить, какое направление приняла бы война и будущее мира»...

Убедившись, что в руках трех грузин действительно была судьба планеты, послушаем дальнейший рассказ: «Во время обеда Черчилль несколько раз прошел по залу, чтобы со всеми чокнуться. В конце вечера гости и он несколько раз заходили в комнату, где находились мы с Церетели. Увидев нас, Черчилль попросил шампанского и предложил выпить». Сэр Уинстон всегда славился афоризмами, и два из них родились тут же на банкете.

«Я представил ему Церетели и сказал, что он грузин. Черчилль заметил: «Похоже, мы окружены грузинами». Он и гости долго беседовали со мной и Церетели, спрашивали

про Грузию и грузин. Черчилль вспомнил и мою анкету про возможное будущее Кавказа. «Вы хотите восстановить свое старое царство? – спросил он. – Вам мало того, что один грузин управляет всей российской империей?»

А это – впечатления о Сталине. «Среди гостей присутствовала только одна женщина – дочь Черчилля леди Сара Черчилль Оливер. Она и ее брат Рандольф не были приглашены, но все равно пришли, хоть и с опозданием. Когда Сталину представили леди Сару, он галантно поцеловал ей руку, что меня удивило.

Звучало много тостов. Тост Черчилля заключался в том, что Сталин не только для России, но и для всего мира является одним из самых великих людей. И потому заслуживает права называться «великим Сталиным». Сталин ответил, что титул «великий» принадлежит не ему, а русскому народу. И руководить такой нацией несложно... Я очень хотел, чтобы меня ему представили. Но сам не посмел попросить... Наш посол предложил Черчиллю представить меня Сталину как единственного грузинского офицера в британской армии. Посол считал, что Сталину это может быть приятно. Но Черчилль отказался, так как не думал, что это произведет впечатление на советского лидера».

А дальнейшие впечатления о Черчилле появились уже, так сказать, с ближайшего ракурса.

Шалва Церетели

Лаврентий Берия

Квиташвили стал одним из немногих, получивших право не сдавать оружие при входе в помещения, где находились делегации союзнических государств. А еще он часто был начальником караула, охранявшего Черчилля по ночам. Тот не жаловал явную охрану, и караульным приходилось буквально прятаться. До тех пор, пока из комнаты премьера не раздавался раскатистый храп. Вот, что еще вспоминает капитан Кей:

«Черчилль обычно много ходил по комнате. В нем был огромный магнетизм, чувствовались сила и вера в то, что он говорил. Его слова всегда производили на собеседников большое впечатление. Черчилль знал, как он восторгает людей. Это редкий талант, которым обладают только настоящие лидеры...

На торжественной церемонии в посольстве выстроился специальный почетный караул, в который вошли особо отличившиеся солдаты. Премьер-министр должен был осмотреть этот караул. И тут он продемонстрировал свой характер. Черчилль подошел к выстроившимся в ряд солдатам, подал руку пяти-шести из них, а потом развернулся и ушел. Те, кто ждали продолжения и тоже мечтали пожать руку своему великому лидеру, остались ни с чем. Его равнодушие произвело на нас тягостное впечатление. Никто не отрицает величия Черчилля, но ему действительно не хватало человечности и сострадания. Обращение премьер-министра с подчиненными являло собой весьма неприятное зрелище».

А вот еще пара примеча-

тельных моментов, свидетелем которых становится Мераб: «9 ноября Черчилль должен был передать Сталину меч за победу в Сталинградской битве. На церемонии должно было присутствовать только несколько человек. Мое имя внесли в список в последний момент. Черчилль сказал тогда, что он восхищен проявленной доблестью советских солдат в битве за Сталинград и по поручению короля Англии передает русскому народу меч. Сталин достал его из ножен, поцеловал, а затем передал Ворошилову. Тот чуть не уронил меч, его едва успели поймать.

Во время одной из встреч я видел, как Черчилль поднялся из-за стола после предложения Сталина расстрелять 50 тысяч немецких офицеров. Черчилля настолько возмутило предложение Сталина, что он вышел в соседнюю комнату и сел в кресло. Я все это видел своими глазами. Сталин в ответ тоже поднялся из-за стола, подошел к Черчиллю, положил руку ему на плечо и с улыбкой сказал, что пошутил и что ему и в голову не придет расстрелять столько людей. Он произнес это так, будто в Советском Союзе с его ведома не расстреливали миллионы невинных. Переводчик Павлов так растерялся, услышав эти слова, что еле смог их перевести. А стоявший рядом с ними Молотов улыбался: «Мы просто шутим».

Оба эти момента нельзя не прокомментировать.

Передача меча британцами советской делегации

Во-первых, Ворошилов меч все-таки выронил. Но всех настойчиво попросили не распространяться об этом. Во-вторых, Сталин сделал свое заявление как вариант уничтожения Генерального штаба Германии. Мол, всей мощью немецкой армии управляют 50 тысяч офицеров и техников. Поэтому, если после окончания войны собрать их всех и расстрелять, то Германия не сможет восстановить военный потенциал. Говорилось сие с серьезнейшим видом, и потом пришлось объяснять, что это – шутка.

Ну, а самое яркое впечатление у капитана Кея – от общения с Берия. Тот входит в состав советской делегации помимо официальных членов – Сталина, Молотова и Ворошилова. Но, как говорится, «не светится» – обязывает долг шефа секретных служб Советского Союза. Вспоминает Мераб Квиташвили:

«Вообще Берия очень унижал своих подчиненных. На глазах британских офицеров кричал и материл советских генералов и не считал их за людей. Ко мне Берия относился вежливо и даже по-дружески. Первый раз я увидел Берия, когда он разговаривал с генералом Церетели. Заметив меня, генерал что-то сказал Берии. Тот повернулся в мою сторону и обратился по-грузински: «Мне сказали, ты грузин?» Он сразу стал говорить со мной на «ты». Я подошел к нему, поздоровался и по-грузински ответил: «Да, я говорю на этом языке». Берия

В кулуарах конференции

спросил, как меня зовут. Услышав мое вымышленное имя, тут же заметил, что оно не похоже на грузинское. «Мой отец англичанин, а мать грузинка», — объяснил я, озвучив придуманную версию.

Но Берия не так прост, чтобы поверить в это. Он спрашивает, откуда родом мать офицера. И, услышав в ответ, что она из Рачи, а фамилия ее Микеладзе, безапелляционно заявляет: «А Микеладзе не из Рачи. Это известная фамилия в Имерети». «Я понял, что совершил грубую ошибку, на которой меня и поймал Берия», — признавался позже Мераб. Затем Берия интересуется, был ли он в Баку, и перечисляет фамилии известных грузин, живших там. Услышав фамилию своего отца, Мераб не подает вида, но... на следующий день Берия рассказывает ему о его происхождении.

Да и затем Лаврентий Павлович не успокаивается: «Он о многом спрашивал меня — где я родился, где учился, когда переехал за границу. Ему было интересно — профессиональный я офицер или просто мобилизован по случаю войны. Спрашивал, встречался ли я когда-нибудь с грузинами. Был ли с Черчиллем в Москве во время первого визита премьер-министра в СССР. Я ответил, что не был, но очень мечтаю приехать в Россию. Берия интересовался, знаю ли я

что-нибудь о Грузии. И тут же говорил, что там многое изменилось, и я уже не узнаю страну. Он вел себя со мной, будто мы оба были простыми грузинами».

В общем, Квиташвили признается, что Берия произвел на него неизгладимое впечатление. Особенно тем, что «все вели себя перед ним, как рабы, кроме генерала Церетели». И тем, что «был слишком самоуверен, и это впоследствии стало причиной его краха. Он просто излучал страх и жестокость». А потом генеральный комиссар государственной безопасности начинает действовать:

«Как-то он сказал: «Наверное, ты чувствуешь себя одиноким среди британцев?» Думаю, он понял, мой отец не англичанин. Берия обращался со мной, как с грузином и потом отдал приказ о моем убийстве. Никто в то время не мог бы поднять руку на британского офицера, но Берия решил, что я очень опасная личность».

А если Лаврентий Павлович так решает, то его подчиненные приступают к делу. Джип с английскими офицерами, за рулем которого — Мераб, обстреливают из автоматов, машина изрешечена, водителя спасает чудо: «Среди солдат есть такое высказывание: «Человек не увидит пулю, которая предназначена ему». Могу поклясться, что в тот раз я видел эту пулю. Видел, как она пробилла мою руку. Я развернул

джип и под горку поехал в сторону, откуда стреляли. Это и спасло нас. Бедного моего друга убили: у него была пробита челюсть, а вторая пуля попала в позвоночник».

Потом покушение повторяется — ну, не устраивает чем-то главного чекиста этот грузин в английской форме. К тому же «теракт немецких диверсантов» побудит повысить бдительность. Но британская разведка — одна из лучших в мире, и для нее не составляет труда выяснить, кто организатор покушения. Так что британские посол и военный атташе в Иране «прямым текстом» требуют от советского посольства отказаться от преследования Николааса Кея. Мераба оставляют в покое, и он может выполнить свое последнее задание в Тегеране.

Уинстон Черчилль

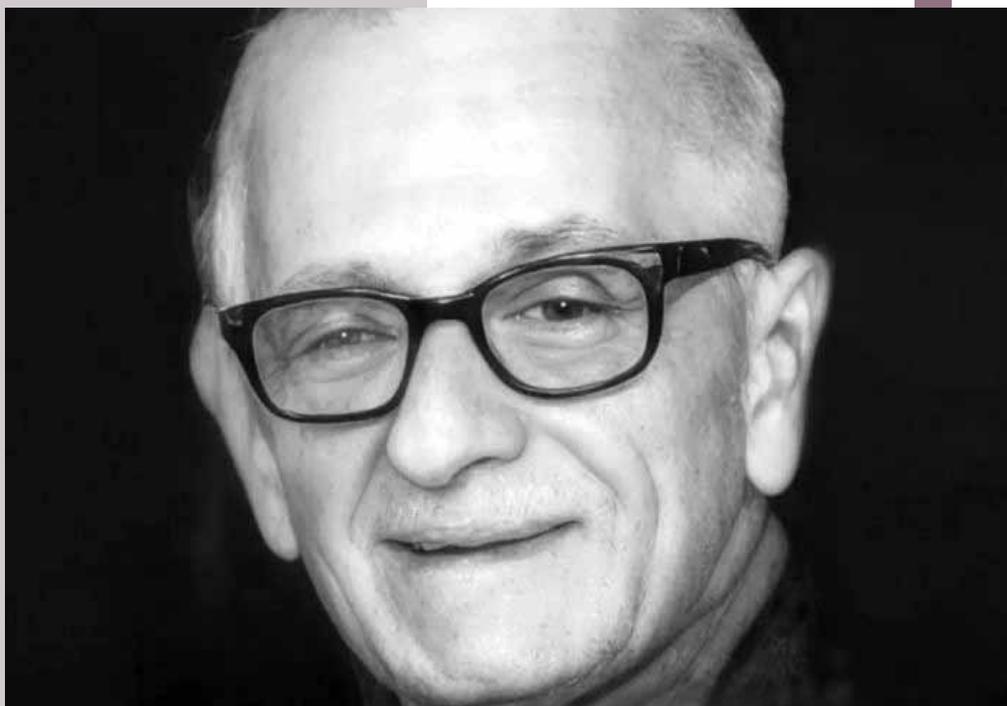
Это – обеспечение безопасного отлета премьер-министра Великобритании. Перед выездом в аэропорт вновь приходится встретиться с Берия – отъезды Сталина и Черчилля практически совпадают во времени, и советские солдаты, блокирующие улицы, мешают англичанам проехать. Берия даже обещает открыть стрельбу по каждому, кто появится на пути сталинского кортежа. Квиташвили удается согласовать и эту проблему, но премьер-министра он напоследок озадачивает.

Стоя возле машины, решает проверить пистолет, и в тот момент, когда он достает оружие, из здания вместе с дочерью выходит Черчилль. Можно предположить, что думает премьер: у автомобиля его ждут с оружием руках. Но он не подает вида, что, мягко говоря, удивлен, здоровается и преспокойно усаживается на заднее сиденье. А, едва приехав в аэропорт, спешно поднимается в самолет, и тот моментально взлетает. Миссия капитана Кея успешно завершена.

Он еще некоторое время остается в Иране, затем – новые секретные задания в других странах. Набрав целую коллекцию орденов и медалей, Мераб дослужился до полковника, речь даже шла о представлении его к генеральскому званию, но тут-то война и закончилась. Однако Квиташвили не огорчается, что не получил погоны с большими звездами, да и вообще, вспоминать о делах военных он не любил.

Он возвращается к профессии горного инженера, до 1952 года работает в Боливии, затем переселяется в США, сначала в Нью-Джерси, потом – в Вашингтон. За год до его переезда в американскую столицу там впервые начинает вещать грузинская служба радиостанции «Голос Америки», и ее руководитель Эрекле Орбелиани предлагает Мерабу должность ее редактора. Тот с радостью соглашается, избрав псевдоним Нико Рачвели.

Журналистская публицистика так захватывает его, что он начинает работать и американским корреспондентом международного академического журнала «Беда Картелиса» («Судьба Грузии»), основанного в 1948 году в Париже грузинами-эмигрантами

Мераб Квиташвили в старости

из СССР, супругами Нино и Калистрате Салия. Энергия, эрудиция, связи Квиташвили приходятся очень кстати. Сначала журнал выходит лишь на грузинском, на 64 страницах, затем – на французском, английском и немецком, а с 1958 года, при поддержке Французского национального научно-исследовательского центра, меняет название на «Беда Картелиса, Ревю де Картвелоложи». И, с объемом уже в 400 страниц, объединяет картвелологов всего мира. Заслуга Квиташвили в этом немалая.

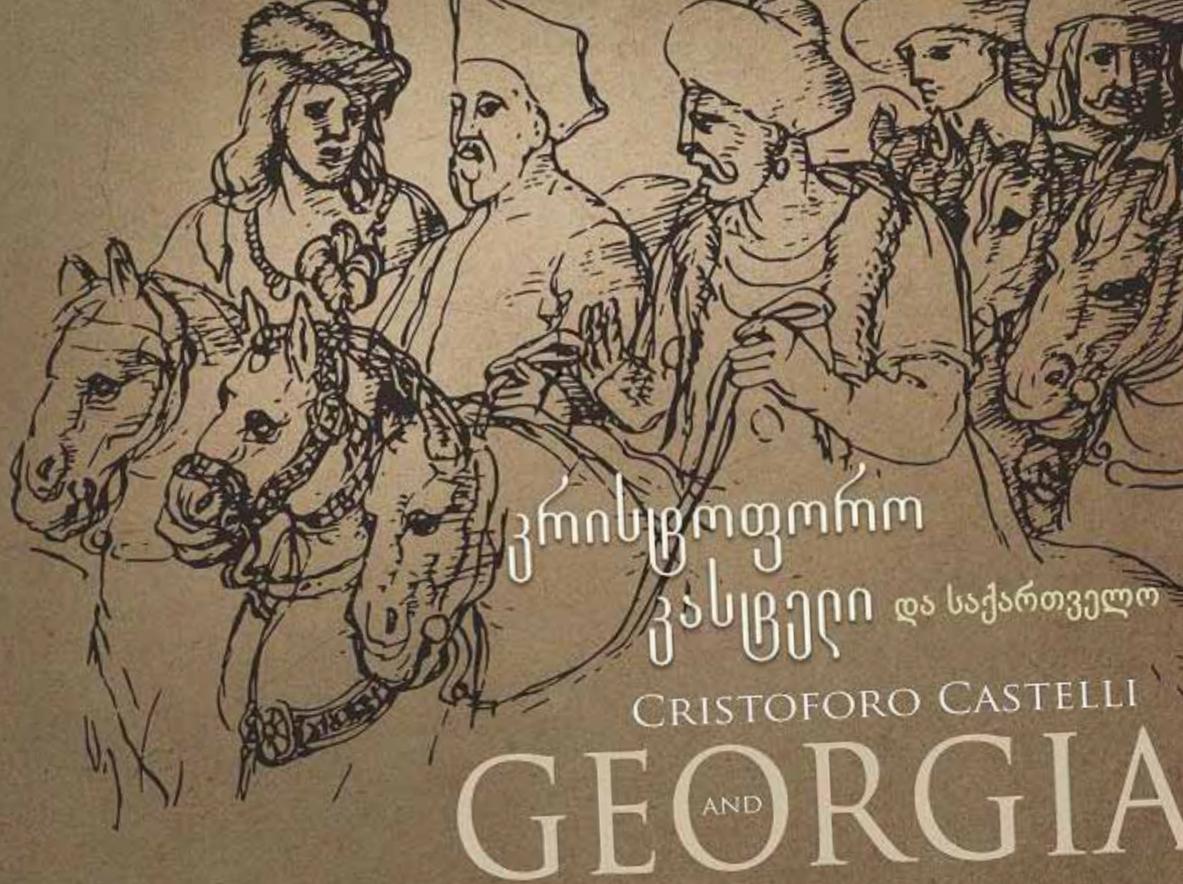
На Рождественском балу в Нью-Йорке, который организовало покинувшее родину русское дворянство, Мераб встречает очаровательную парижанку Ирину Кедрову. Она – дочь видного деятеля Белого движения Валентина Кедрова – офицера лейб-гвардии Семеновского полка, сотрудника особого отдела штаба деникинских Вооруженных сил Юга России. После того, как его убили агенты ОГПУ, Ирина, выпускница русской дворянской школы под Парижем, переехала за океан.

Встречаются они в январе 1955-го, а в июне – уже свадьба. Семья живет в пригороде американской столицы Арлингтоне, растит двух дочерей. Дома говорят, в основном, на английском и французском, но не забывают и русскую речь – верующая Ирина

ходит с девочками на службу в русскую церковь. Ходят они без главы семьи – Мераб заявляет: после всех ужасов, увиденных в жизни, он не может быть верующим.

В 1963 году он становится директором грузинской службы «Голоса Америки», популярность которой растет на его родине. Работа в двух редакциях очень напряженная, требуется немало сил – физических и душевных сил, а когда тебе под 70 лет, найти и использовать их не так уж легко. Несколько раз случаются сердечные приступы, а после того, как один из «прихватывает» прямо на рабочем месте, всем становится ясно: Нико Рачвели пора на отдых.

Человек, добывавший золото в экзотичных и опасных местах, выполнявший секретные военные задания, обеспечивавший безопасность главы государства, умер тихим пенсионером, прожив 90 лет без одного года. Он жил и делал свои непростые дела не ради славы, не из-за денег, не искал работы полегче... И по страницам его жизни можно (и нужно!) сделать захватывающий фильм – поучительный, с невыдуманными приключениями, высокой моралью, интереснейшими характерами, реальными историческими событиями... Необходимы лишь желание и умение.

ИТАЛЬЯНСКИЙ ЛЕТОПИСЕЦ СРЕДНЕВЕКОВОЙ ГРУЗИИ

■ **Кетеван МГЕБРИШВИЛИ**

Графический портрет XVII века – мужчина средних лет в восточной чалме. Его волевое лицо со строгим взглядом хорошо знакомо всем грузинским школьникам из учебников истории. Это – «Диди моурави», Георгий Саакадзе, а автор рисунка – итальянский миссионер Кристофоро Кастелли. Портрет был выставлен в Национальном музее Грузии на экспозиции, приуроченной к 30-летию установления дипломатических отношений между Италией и Грузией.

На открытии выставки посол Италии в Грузии Энрико Вальво отметил, что юбилейная дата отмечается на фоне великолепных отношений между двумя странами в сфере политики, экономики, науки и культуры. Глубокие связи уходят корнями во времена существования Римской империи и Колхидского и Иверийского царств, когда в Гонио был рас-

положен крайний восточный форпост Римской империи. Примечательно, что именно итальянцы, как известные путешественники, в значительной степени способствовали ознакомлению средневековой Европы с притягательной страной под названием Грузия на Великом шелковом пути. Неслучайно одно из первых описаний Грузии в европейской литературе встречается в книге Марко Поло.

Падре из Палермо

Один из важнейших эпизодов дружеских отношений двух стран – приезд в XVII веке в Грузию монахов ордена театинцев, среди которых был молодой падре Кристофоро Кастелли. Он провел здесь более 20-ти лет и обошел практически все уголки страны. Помимо миссионерской деятельности, опытный художник и портретист Кастелли создал своего рода иллюстрированный дневник Грузии тех времен. И запечатлел

в своих альбомах образы царей и правителей, мирян и духовенства, сцены ежедневной бытовой жизни, ведения хозяйства, игр, праздников и ярмарок, одежду и предметы обихода местного населения. Он оставил очень ценные сведения о пейзажах, соборах и крепостях, составил карты различных регионов. Не забывал и флору с фауной, тщательно выводил контуры растений. Рисунки падре сопровождал собственноручными пояснениями и создал уникальный письменный портрет Грузии первой половины XVII века.

Именно репродукции из его альбомов были выставлены в Национальном музее в экспозиции под названием «Кристофоро Кастелли и Грузия». На ней были представлены 50 копий картин, оригиналы которых хранятся в Муниципальной библиотеке Палермо. Помимо этого, Посольство Италии в Грузии издало книгу зарисовок Кастелли с подробной информацией о

Георгий Саанадзе

создании каждой работы. В издании – интереснейшая статья о жизни и деятельности миссионера в Грузии, подготовленная опытными учеными Тбилисского государственного университета Зазой Схиртладзе и Мариеттой Чихладзе. Она подчеркивает, что составленные Каstellи реляции (донесения), письма и многочис-

ленные рисунки крайне важны для изучения истории грузинского быта и культуры начала XVII века. Их автор был отобран в миссионеры, благодаря своему художественному таланту и медицинским знаниям. Об этом свидетельствует и письмо царя Картли-Кахети Теймураза I и Католикоса-Патриарха Восточной

Энрико Вальво – посол Италии в Грузии

Грузии Захария, в котором говорится: «Просим прислать к нам одного опытного врача и одного художника для росписи церкви, таковых людей у нас нет».

Падре Кристофоро выехал в Грузию в 1631 году, прибыл спустя год и пробыл в ней почти четверть века (1632-1654 гг.). По долгу службы, часто ездил по различным уголкам страны: Картли, Гурии, Аджарии, Имерети, Самегрело, Сванети, Абхазии. И быстро обрел у местных жителей славу хорошего художника и опытного лекаря, стал желанным гостем при дворах царей и вельмож. С 1650 года Каstellи занимал должность вице-префекта миссий в Картли и Самегрело и был обязан ежегодно отправлять в Рим пространные описательные реляции, вести переписку. Именно так появился бесценный материал в виде писем и рисунков, объединенных в альбомы. И при этом огромном объеме работы, падре был человеком весьма скромным – в знак смирения и безвозмездного служения Господу называл себя «бесполезным».

В 1654 году Каstellи отбыл на родину и в 1655 году приехал в Рим. Как он сам рассказал, к тому времени у него все еще был с собой весь собранный за 25 лет материал. Папа Александр VII тепло встретил миссионера и после долгой верной службы отправил на заслуженный отдых домой в Палермо. По дороге туда из Неаполя падре доверил свой «клад» капитану корабля, и с того дня след одного из альбомов навсегда потерян. А ведь именно в нем были самые ценные работы, включая портреты грузинских царей, знати и высшего духовенства. Так что, Каstellи, почти достигший 60-летнего возраста, с ослабленным зрением, опираясь лишь на свою память, взялся заново описать увиденное в Грузии. Последние два года жизни он посвятил восстановлению потерянных и систематизации спасенных материалов и написал реляцию, суммирующую его 25-летнюю деятельность в Грузии.

Материалы, связанные с деятельностью Каstellи в Грузии, состоят из писем и реляций, разбросанных по архивам Рима, Флоренции, Неаполя, и семи альбомов с тысячей рисунков, хранящихся в Палермо. В этих

альбомах – и уцелевшие на пути из Грузии в Италию, и уже в Палермо созданные по памяти рисунки. Есть в этих альбомах и тексты, приписки, подробные размышления. Для хронологической систематизации материала важным источником являются письма Кристофоро из Грузии в Италию в 1632-54 годах. Они – в виде дневника, их форма и содержание меняются в зависимости от адресатов.

Записи начинаются со дня выезда миссионера из Алеппо в

Самая первая иллюстрация книги была, вероятно, создана в первые дни приезда падре в Гори. На рисунке Каstellи беседует с царем Картли-Кахети Теймуразом I в 1632 году. В результате этой встречи царь дал театинцам разрешение на проповедь и предоставил им резиденцию. На рисунке он в дорожной, украшенной красивыми орнаментами одежде, выражающей его могущество, а фигура самого Каstellи обрисована лишь контурами, его жесты выражают по-

одеянию пары: головные уборы супругов на восточный манер украшают перья и драгоценные камни. Теймураз немного согнут, его взгляд тревожен, за его плечами, как бы ища защиты, укрывается печальная супруга.

Горийская крепость – одна из первых зарисовок Кристофоро в жанре пейзажа, она отличается множеством изображенных композиционных деталей. Помимо крепостной стены – резиденции монашеских орденов на склоне горы со своими церквями: до-

Горийская резиденция отцов театинцев

Грузию, в них множество наблюдений, ведь автор описывал все, что привлекало его пылливый взор. Сначала падре провел почти два года в Гори, потом остался на 7 лет в Гурии, благодаря доброй воле Католикоса-Патриарха Западной Грузии Малахии Гуриели. Дольше всего итальянец задержался в Самегрело, при дворе правителя Левана II Дадиани. В Имерети он находился два года по позволению имеретинского царя Александра III, путешествовал также по Абхазии, Сванетии и Аджарии.

чтение к царю.

Еще один, хорошо известный в Грузии, портрет Теймураза I и его супруги, царицы Хорешан, содержит пояснительные записи на латыни и итальянском. Автор повествует о трагической судьбе царя Картли-Кахети, который завершил жизнь в Иране, в заточении по приказу шаха. Кристофоро восхваляет царя за защиту христианской веры, несмотря на гонения со стороны персидского правителя. Исповедовавший православие, он был воспитан при дворе шаха, что и видно по

Царица Дареджан, супруга царя Имерети Александра III

миниканцев, августинцев, театинцев, армян. На переднем плане пейзажа – кавалерия и раскрытые шатры, что может говорить об исполненном трудностями периоде в истории Картлийского царства.

На другом рисунке с изображением Горийской резиденции театинцев композиция многосюжетна: дома с соломенной крышей, церковь, сцены проповеди, крещения, излечения болящих, похорон... Католикос-Патриарх Малахия II Гуриели предоставил итальянским монахам церковь и

жилье недалеко от своей резиденции. В Гурийском княжестве в те времена царя сравнительно спокойная атмосфера, и благосклонное отношение патриарха позволило театинцам обзавестись своей паствой, а Кастелли – хорошо изучить местный быт и традиции.

Владелец Самегрело Леван II Даддани был одним из успешных правителей своего времени и известным церковным ктиторм, он доброжелательно относился к монахам и Кастелли

Леван обвинил ее в измене, отрезал нос и ухо и вернул дочь отцу. В своих записях падре отметил, что после этого случая оскорбленный Сетеман стал врагом Даддани и даже участвовал в заговоре против него. На рисунке бывшая царица с печальным лицом, склонив голову, старается платком покрыть кровоточащие нос и ухо...

Портрет мужчины средних лет с характерным «европейским» лицом изображает Георгия Липартиани – дядю Левана I, кото-

Абхазии пицундского кафедрального собора отличается художественной манерой исполнения и обилием комментариев автора. По словам Кастелли, в те времена, из-за малочисленности паствы, собор не имел настоятеля. Правитель Абхазии попросил театинцев отремонтировать здание, чтобы проводить там богослужения. Кастелли называет Абхазию землей, где проповедовал христианство Св. Апостол Андрей Первозванный, и где перед собором сохранился чудотвор-

Послы государства Российского

именно при его дворе просел больше всего лет. В разные годы он создал несколько портретов Левана. На парадном портрете – молодой правитель, в полный рост стоящий на холме в царском одеянии, в его руке – модель купольной церкви.

А портрет жены властителя Самегрело отображает ее трагическую судьбу. Дочь правителя Абхазии Сетемана Шарвашидзе в различных источниках упоминается как Тамуния, Дарундия, Танури, Дареджан. Итальянец называет ее Дариндией. Супруг

рый в 1611-1616 годах исполнял обязанности регента из-за малолетства правителя. Леван похитил у него жену после того, как вернул в Абхазию свою искалеченную первую супругу. Липартиани умер от горя, и эту историю театинцы не раз описывали в своих письмах. На портрете изображен мужчина с твердым и горестным выражением лица. Надпись сообщает, что «Георгий Липартиани был храбрым, хотя и несчастным в смерти» человеком.

А рисунок находящегося в

Царь Картли-Кахети Теймураз I и царица Хорешан

новый столп. На картине мы видим, как в соборе проводятся ремонтные работы, а также верующих, молящихся перед чудотворным столпом.

Особенно выразителен портрет духовного деятеля и дипломата Никифора Ирубакидзе-Чолокашвили, также известного как Никифор Ирбах. В бытность послом в Риме, он обучил грузинской азбуке монахов, которым предстояло направиться с миссионерской деятельностью в Грузию. Он вместе со Стефано Палини в 1629 году издал в Риме

Кафедральный собор в Пицунде

первую грузинскую печатную книгу «Грузинско-итальянский словарь». Вернувшись на родину, Никифор не раз пересекался с Каstellи в Картли, Имерети, Гурии, Самегрело, они вместе путешествовали по Абхазии. По словам монаха, Ирбах пользовался в Грузии уважением не только из-за своего благородного происхождения, но и потому, что был мудрым и прозорливым человеком. На рисунке Никифор в чине архимандрита, о чем свидетельствует его одеяние.

В альбомах падре не так много портретов послов, один из них изображает дипломатическую миссию государства Российского в Грузии. По сведениям Каstellи, послы прибыли ко двору имеретинского царя, из исторических источников известно, что они посетили и Левана II Дадияни в Самегрело. Каstellи отобразил одну из первых попыток грузинских царей установить дипломатические отношения с единой Россией. Он мало рассказывает о целях визита гостей, ограничившись описанием их одеяний и подчеркивая богатое

убранство их шуб.

С царицей Дареджан, супругой имеретинского царя Александра III, дочерью Теймураза I, итальянец познакомился в Имерети. С картины на нас смотрит улыбающаяся женщина с распущенными волосами, ее взгляд отличается легкостью и задором. Царица изображена в шапке непривычной формы и «дикивинным» животным, сидящим на ее левом плече. Портрет вызывает ассоциации с европейской портретной живописью тех времен. Каstellи отметил: у Дареджан были черные глаза и волосы, что в те времена в Грузии очень ценилось и считалось признаком женской красоты. Театинец дал Дареджан прозвище «Вардиспера» («Цветы розы»), так же он называл и супругу Теймураза I, царицу Хорешан.

Сын имеретинского царя Георгия III, царевич Мамука был знаменит своей отвагой, активно участвовал в государственных делах, не раз командовал войском в различных битвах. Каstellи нарисовал два его портрета. Первый – во время игры в поло,

скорее всего, в период пребывания падре в Кутаиси, второй – в Самегрело, где Мамука до самой смерти был пленником Левана Дадияни. В комментариях Каstellи указывает, что Леван не внял просьбе имеретинского народа и царя и выколол Мамуке глаза. Когда театинец ехал в Имерети, Мамука поручил передать брату-царю, что он все еще жив. Монах воссоздал этот трагический эпизод из жизни царевича: на рисунке глаза у того не прорисованы, а на шее висит тяжеленная цепь.

Альбом Каstellи содержит более 20 сцен лечения болящих, большая часть картин нарисована контуром – карандашом или пером. Сюжет одного из рисунков, по всей видимости, отображает сцену лечения царя Имерети Георгия III, что еще раз иллюстрирует доверительное отношение грузинских царей к миссионерам. Примечательно, что в сценах лечения знатных особ действие происходит в интерьере, а сюжеты лечения крестьян изображены под открытым небом.

ЩЕДРОСТЬ ДЫХАНИЯ

Алена ДЕНЯГА

Для многих фигура Геннадия Шпаликова осталась загадкой.

Каким он был в глазах современников? Пронзительно искренний, веселый, сияющий, но... неуловимый. Он словно был со всеми и одновременно ни с кем.

Его трагический уход стал потрясением для всего его круга.

Не доглядели, не уберегли...

Геннадий Шпаликов родился в 37-м, ушел в 37 лет...

Его отец погиб на войне. Гена, ученик Суворовского училища, должен был стать военным. Но на учениях повредил ногу и медкомиссия признала его не годным к службе.

Шпаликов поступил на сценарный факультет ВГИКа.

«Надо представить себе ВГИК того времени, – вспоминал близкий друг Шпаликова, сценарист Павел Финн, – ареопаг выдающихся талантов. Практически весь кинематограф, который стал отечественной классикой. Кинематограф 60-х годов и последующих лет – это был ВГИК того времени».

Будучи на последнем курсе

ВГИКа, Шпаликов попал в большое кино и сразу стал знаменитым. Сперва «Застава Ильича» Марлена Хуциева, после – «Я шагаю по Москве» Георгия Данелия и «Я родом из детства» Виктора Турова.

Из воспоминаний режиссера-мультипликатора Андрея Хржановского: «В шестидесятые годы он был любимцем всей Москвы. Куда бы вы ни пришли в компании Шпаликова, где бы ни оказались, к нему притекали, подходили, подсказывали по одиночке, группами и целыми делегациями друзья, поклонники, хорошие знакомые и малознакомые люди для того, чтобы поприветствовать его, объясниться в любви, затеять ничего не значащий разговор, а Гена растерянно улыбался своей смущенной улыбкой и не пренебрегал никем из покушавшихся на его внимание. И навсегда осталось ощущение невероятного парадокса: как такого контактного, публичного человека постигло такое страшное чувство непоправимого одиночества, вот уж воистину публичного одиноче-

ства, которое подтолкнуло его к роковому поступку».

На надгробном памятнике Шпаликова на Ваганьковском кладбище – строчки из его песни:

Страна не пожалеет обо мне,
Но обо мне товарищи заплачут.

Режиссер Сергей Соловьев писал: «Когда-то была такая красивая формулировка, принадлежащая, кажется, Пастернаку: «Пушкин построил здание русской поэзии, Лермонтов был первым в нем жильцом». Я думаю, что Гена построил нам здание нового и новейшего русского кинематографа. В «коммуналке» этой были мы все первыми и, увы, может быть, единственными жильцами. Еще Гена научил нас ощущать и ценить воздух, который образуется над нашими словами, над нашими фильмами. Научил щедрости дыхания...»

Поэтам следует печаль,
А жизни следует разлука.
Меня погладит по плечам
Строка твоя рукою друга.

И одиночество войдет
Приемлемым,
небезутешным,
Оно как бы полком потешным
Со мной по городу пройдет.

Не говорить по вечерам
О чем-то непервостепенном –
Товарищами хвастать нам
От суеты уединенным.

Никто из нас не Карамзин –
А был ли он, а было ль это –
Пруды и девушки вблизи
И благосклонные поэты.

Людей теряют только раз,
И, след теряя, не находят.
А человек гостит у вас,
Прощается и в ночь уходит.

А если он уходит днем,
Он все равно от вас уходит.
Давай назад его вернем,
Пока он площадь переходит.

Немедленно его вернем,
Поговорим и стол накроем,
Весь дом вверх дном
перевернем
И праздник для него устроим.

НЕРАЗБАВЛЕННОЕ ВИНО КИТЫ БУАЧИДЗЕ

■ **Вахтанг БУАЧИДЗЕ**

Судьба отмерила моему отцу век немалый, в неформальном, прямом исчислении – почти весь двадцатый за вычетом тринадцатилетнего изначалия. Кита Буачидзе родился в сентябре 1914 года. Первая мировая война набирала силу на всех фронтах. В то время, как светлые генеральские умы русской Кавказской армии разрабатывали план недопущения турецких войск в Закавказье, немолодая роженица заставного азнаурского сословия Екатерина Абашидзе разрешилась девятым ребенком в имеретинской оде своего супруга, православного священника Михаила Буачидзе. Событие это, небольшого общесемейного значения, произошло в селении Парцхнали Белогорского уезда

Кутаисской губернии. Белогорами тогда величали нынешний Харагаули.

Дед мой, Михаил Буачидзе служил Богу верой и правдой в разных приходах окрест Кутаиси, включая и сам город, в котором на ниспосланные свыше трудовые накопления даже купил нехилый дом для своего многочисленного семейства. Дед, видимо, был человеком честным, насколько честным может быть служитель культа, не торгующий опиумом для народа. Веру Михаила Буачидзе в зыбкую вероятность построения царства Божьего на земле окончательно подорвало убийство Католикос-Патриарха всея Грузии Кириона II. Дед не повелся на безосновательные версии о самостреле Предстоятеля вер-

нувшей автокефалию Грузинской церкви: слишком много завистников-кандидатов вождедели занять это место и не убоились освободить его выстрелом в голову немощного старца.

Потрясенный чудовищным злодеянием иерей-вольнодумец Михаил Буачидзе разуверился в эффективности своего посредничества между небом и паствой до такой степени, что сбросил священническую рясу, состриг бороду и зажил здоровой крестьянской жизнью в родном селе Парцхнали, совмещая нелегкий труд на хлебной ниве с работой на ниве народного просвещения. Переместившись из церкви в школу, дед стал педагогом-словесником. Церковнославянским он владел на высоком профессиональном уровне; возможно, благодаря этому обстоятельству его ученики и в изучении бытового русского языка вышли далеко за пределы матерной лексики. А учеников в школе числилось предостаточное количество: приток детворы обеспечивали многолетние грузинские семьи. Семью Михаила Буачидзе в признанные лидеры выдвинул последний его отпрыск Кита. Именем таким, не

очень распространенным среди грузин, любимого «наболару», то бишь, последнего, младшего ребенка в семье, нарекла мать – в честь ее близкого родича, литератора Киты Абашидзе.

«Наболару» Киту родители, конечно же, любили, но особыми предпочтениями не баловали, разве что матушка – поцелуем на сон грядущий, да батюшка – похвалой за прочитанную книгу. Книг прочитанных становилось все больше, и по мере их нарастания юного парцхнальца Киту Буачидзе все меньше прельщали идиллические картины пасторального бытия; другой, книжный мир казался гораздо интереснее, но поселиться в нем навсегда можно было только имея свой такой же собственный. Робкие попытки сотворения своего литературного мира Кита предпринял одновре-

кутаисская краевая литературная газета.

Зарифмованная гордость за бумагу с гербовой печатью, удостоверяющую личность гражданина новообразованного государства рабочих и крестьян, перевела автора из формата сочувствующих советской власти в разряд ее попутчиков. И пошли они – Кита Буачидзе и советская власть – твердым шагом по столбовой дорожке великих социалистических преобразований с обоюдной надеждой на их триумфальное завершение. Начало любого пути всегда волнительно, тем более, в молодости, когда ты, патриот-романтик, не отделяешь себя от своей страны, и магистральный путь ее следования кажется тебе безошибочно верным. Кита Буачидзе в подражание Маяковскому тоже решил отдать

ачидзе «Звено беспокойных» не без зрительского успеха шел на сцене тбилисского ТЮЗа несколько сезонов. За это время автор успел окончить школу, обосноваться в Тбилиси, поступить на университетский филфак, поселиться в съемной комнатке на улице Мария Броссе и сочинить пару-тройку новых пьес. По жанру они тяготеют к бытовой драматургии в духе соцреализма, и одна из них – «Столепестковая роза» – вошла в репертуар доброй дюжины грузинских провинциальных театров. Столичную «взрослую» сцену отцу удалось оприходовать только спустя десять лет после столь раннего «тюзовского» фурора.

Сюжетную основу пьесы «Строгие девушки» составила череда комедийных ситуаций, в которые раз за разом попадают молодые герои этой бесхитростной истории тбилисского студенческого братства далекой предвоенной поры. Пора иная, немирная, по горькому совпадению наступила с разительной быстротой сразу после премьеры «Строгих девушек» в театре имени Марджанишвили 21 июня 1941 года. Утром следующего дня началась война, изменившая судьбы миллионов людей. Отец исключением не явился. Исключение, правда, внесло в его биографию не глубокий драматизм всеобщей мобилизации и оперативной отправки на фронт. Повестка из военкомата ему так и не пришла. За ним пришли крепкие ребята в форме офицеров НКВД-ОГПУ, весьма неделикатно пригласили в «черный воронок» и повезли по предрассветным тбилисским улицам в подведомственный им внутренний изолятор особого назначения.

Главным пунктом предъявленного отцу обвинения стало участие в антиправительственном заговоре с целью свержения существующего строя и последующего провозглашения независимости Грузии. Сейчас, по прошествии долгого времени, этот эпизод нашей истории, именуемый «заговором 1942 года», по понятным причинам порой крайне героизируется и преподносится как еще один выдающийся жертвенный акт

Кита Буачидзе и Надя Коленченко, 1952 г.

менно с получением документа о совершеннолети, прообраз которого так вдохновенно воспел Владимир Маяковский в «Стихах о советском паспорте». С панегирической аналогией, впервые вдвинув голову в ярмо грузинской советской литературы, дебютировал и его малолетний верхнеимеретинский земляк. Стихотворение «Клятва коммунара» за авторством Киты Буачидзе опубликовала

всю свою «звонкую силу поэта» родной стране. Но с поэзией дело не заладилось. На прозу нужных силенок не доставало. Зато таковых хватило на неприятную пьесу о школьных буднях советской пионерии. Новоиспеченный семнадцатилетний драматург принес свою пьесу в Тбилисский театр юного зрителя. Там посудили-порядили и приняли к постановке.

Спектакль по пьесе Киты Бу-

Кита Буачидзе в Авчальской колонии

во славу страны. Акт, безусловно, историей зафиксирован, однако, героизировать его можно с большой степенью осторожности, разделяя моральную несопоставимость благородных намерений заговорщиков и сомнительных методов их осуществления. Как-то нехорошо было в то злое время смертельного противостояния гитлеризма и сталинизма предпochть хромовый сапог немецкого солдата кирзовой обуви советских красноармейцев. Ну да чего не сотворишь по незрелости лет ради видимого благополучия родимой земли! Лидерам заговора казалось, что планы германского вермахта создать в Закавказье квазинациональный протекторат вполне соответствуют выстраданной идее восстановления давно утраченной грузинской государственности.

Совершенно иного, противоположного мнения придерживались ушлые товарищи из органов госбезопасности, — они быстро вычислили боевой состав заговорщиков и в не менее скором судебном порядке определили всем тридцати трем обвиняемым меру наказания. Семнадцать человек пригово-

рили к расстрелу, остальных — к разным срокам заключения. Отцу достались семь лагерных лет, согласно приговору по статье №58, пункт 12 УК — «за недонесение о готовящемся преступлении». Как рядовой confident тайного сообщества он знал имена других заговорщиков, но на допросах никого не выдал, в итоге заработав разрыв барабанной перепонки левого уха от дознавателей и реноме порядочного человека от избежавших ареста со товарищей. Среди последних — замечательный грузинский актер Акакий Кванталиани, писатель-детективщик Орде Дгебуадзе, основатель дома-музея Захария Палиашвили, хранитель его творческого наследия Важа Чинчаладзе.

А что отец? В «столыпинском» вагоне его этапировали в Баку, затем препроводили в лагерь в поселке Старая Кала и поместили в общий барак вместе с «блатной» публикой. Через пару недель начальство предприняло странную попытку отличить «зерна от плевел»: в целях фундаментальной идеологической перековки лагерного контингента политическую его часть повезли на осмотр известной еще во всей Российской империи бакинской Баиловской тюрьмы. Не думал, не гадал «зек» Буачидзе, что на этом крутом извине судьбы ему выпадет честь подышать тем же воздухом, которым когда-то дышал здесь самый знаменитый сиделец Баиловки — Иосиф Виссарионович Сталин. «Чалился» молодой Коба недолго, на волю выбрался не по отбытии срока или царской милости, а совершив первый в истории бакинской «крытки» дерзкий побег.

Как Сталину удалось «разгерметизировать» четырехстенную острожную каталажку с зарешеченным окном — известно было только Богу, да еще, возможно, революционеру-боевику Семену Аршаковичу Тер-Петросяну. Он, то бишь, Камо, был великий мастер на всякие подобные эскапады... И даже более головокружительные, чему Сталин определенно завидовал. Потому и завершилась велопрогулка Семена Аршаковича по ночному Тифлису смер-

тью под колесами натравленного на него автомобиля. Кто натравил — гадать не надо. Иосиф Виссарионович хотел быть неповторимо первым во всем, и в искусстве побега тоже.

Так в Баиловской тюрьме обычная камера с «парашей» в дальнем углу превратилась в музейный мемориал с портретом Сталина на стене. Примерных «зеков» водили сюда на экскурсии: постоишь под Сталиным — очистишься, и с чистой совестью — на свободу. Киту Буачидзе в короткий оздоровительный тур отправили всего один раз, но он не оздоровился, напротив — от других экскурсантов заразился сыпным тифом и надолго выпал из лагерной культурно-общественной жизни. Через месяц бредовых видений сорокаградусная жара в теле стала ослабевать; вскоре отца перевели в бакинскую колонию №5, и когда к нему вернулась способность отличать иллюзию от яви, он понял, что только живя в плоскости их взаимопроникновения можно перетерпеть все ужасы лагерного подъяремного существования. Дни в неволе выстраиваются в годы очень медленно — иллюзия. На самом деле они бегут так же стремительно, как и на воле.

А на воле друзья отца, благодаря ему не угодившие в гулаговскую топь, искали пути-выходы вызволения из нее своего спасителя. Вызволить, конечно, не удалось, но входящий в начальнические высокие кабинеты Орде Дгебуадзе добился возвращения отца к родным тбилисским пенатам. Обратным этапом его водворили сначала в Тбилисскую тюрьму «пересылку», а потом перебросили в Авчальскую исправительно-трудовую колонию. Досиживал и долеживал свой срок Кита Буачидзе на жесткой «шконке» в шлакоблоковом лагерном бараке, а «трудонорму» закрывал в местном гараже, где слесарничал и обкатывал грузовую авторухлядь после ремонта. За пределы «зоны» выкатываться, разумеется, не дозволялось, — и путать бы отцу педаль тормоза с педалью газа в замкнутом пространстве Авчальской колонии еще всю послевоенную пятилетку, кабы не

волевое решение родной все-союзной компартии построить первый в Закавказье мощный металлургический комбинат.

Мудрое решение верхов, естественно, не могли не подхватить низы: заключенные больших и малых исправительно-трудовых колоний Грузии, в том числе Кита Буачидзе, впервые за долгое время выехали за периметр своего постоянного местообитания и кто с киркой, кто с лопатой, кто с ломом выдвинулись на передний фронт работ. Труд на свежем воздухе настолько облагородил авчальского узника Буачидзе, что он порой, выполнив дневную ударную норму квалифицированного землекопа, вечером в бараке брал на себя шутивное обязательство работать впредь еще ударнее и квалифицированнее.

Ответственность членов «бригады подневольного труда» возросла в разы, когда землекопов-ударников отрядили на рытье котлованов под строительство домов для первых жителей города Рустави. Он возник здесь же, в знойно-жгучей Гардабанской степи как главный резерв поставки рабочих рук первенцу грузинской металлургии, выстроенному в немалой своей части главной созидательной силой тех лет – многомиллионноголовой трудармией советских «зеков».

О жите-бытье этой, подчас сильно маргинализованной категории граждан канувшей в небытие огромной страны, люди моего поколения узнавали из книг Александра Солженицына и Варлама Шаламова. А я узнал из рукописи отца и уст моей мамы. Они встретились в лазарете Авчальской колонии: двадцатитрехлетняя лаборантка Надя Коленченко проводила забор крови на предмет выявления вируса ветряной оспы у заключенного Кита Буачидзе. Наличие вируса не подтвердилось, но кровь двадцативосьмилетнего драматурга-шофера-землекопа Кита Буачидзе долго еще не хотела возвращаться в спокойное русло. Он навел справки и удовлетворился результатом: тоже политическая. Более того, заключенная Надя Коленченко по той же 58-ой статье УК, что и он, отбывала це-

Вахтанг и Кита Буачидзе, 1968 г.

лый «червонец». Десять лет за антисоветскую агитацию и пропаганду! И чего такого чересчур крамольного могла напропагандировать эта симпатичная шатенистая славянка украинских кровей?!

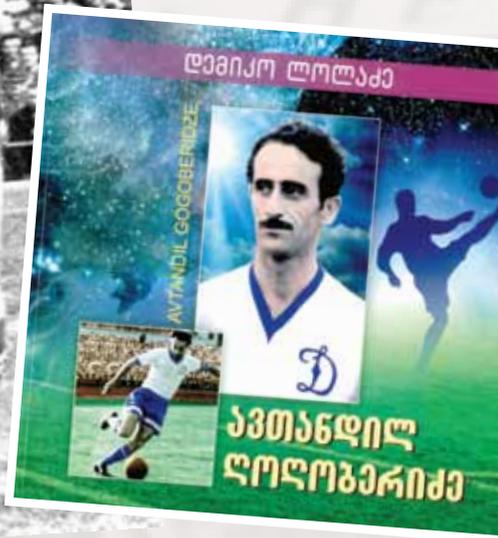
И тут вновь всплыл портрет Сталина, под которым когда-то, как Маяковский под Лениным, Кита Буачидзе самоочищался в Баиловской тюрьме. Надя Коленченко, эвакуированная из Ростова в Тбилиси студентка-дипломница, где-то в присутственном месте громко сказала про покосившийся портрет Сталина: «Надо бы поправить, уж больно шатко висит». А у стены, на которой висел портрет, оказались слишком большие и длинные уши! Они-то и выдали Наде Коленченко вердиктные десять лет несвободы. Вот так бывает в нашей, порой очень даже сволочной жизни: папу моего посадили за недонесение на своих друзей, а маму – по доносу считавшихся ближайшими подруг.

Родителями моими Кита Буачидзе и Надя Коленченко стали не сразу после того, как между ними робко выискрилось и затеплилось чувство взаимной приязни, со временем перешедшее в нечто большее. Без амнистии и послаблений они отсидели свой срок, что называется, «от звонка до звонка»; отец покинул «зону» в 1949 году, мама – тремя годами позже, ну а сын их, Вахтангом нареченный, первое «агу» лопотнул холодной осенью пятьдесят третьего... Не премину заметить, что этот будущий тройственный союз еще до моей внутриутробной жизни благочинным церковно-венчальным образом был освящен

в Успенском соборе древнеславянского города Новгорода-Северского на Черниговщине. Уточнение это я вношу с принципиальным намерением положить конец досужим вымыслам иных мемуаристов о якобы ни к чему не обязывавших отношениях Кита Буачидзе и Нади Коленченко, завершение которых ускорило мое рождение.

Нет, господа нехорошие, с моего рождения все и началось. Впервые став отцом без малого в сорок лет, Кита Буачидзе крепко озаботился поисками крыши над головой для своей новообразованной семьи, или другими словами, – еще одной ячейки многоячейкового социалистического общества страны Советов. Страна залечивала раны недавней войны. Неспособная обеспечить жильем семьи фронтовиков, к семьям вчерашних лагерников она относилась с еще большей неспособностью хотя бы им посочувствовать. У вышедшей на волю после десятилетней отсидки Нади Коленченко в одном кармане худого пальтишка была справка об освобождении, а в другом – предписание НКВД ежемесячно являться куда надо на перерегистрацию и перечень непозволительных для поднадзорного лица действий: нельзя селиться в столице республики, нельзя работать в госпарторганах, нельзя обсуждать справедливость понесенного наказания и не радоваться предоставленной возможности честным трудом искупить вину перед государством.

(Окончание следует)

ИГРОК ТРЕХ ПОКОЛЕНИЙ

К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ АВТАНДИЛА ГОГОБЕРИДЗЕ

■ Демико ЛОЛАДЗЕ

«Баса» – так называли болельщики Автандила Гогоберидзе, волшебника кожаного мяча, игрока, который отдавал всю свою силу и энергию во имя величия нашего спорта. Имя этого блестящего представителя знаменитой грузинской динамовской плеяды, которую окрестили «великими уругвайцами», известно тысячам любителей спорта, как в странах бывшего СССР, так и Европы и мира.

Игра Гогоберидзе – игрока трех поколений – отличалась таким многообразием и широким диапазоном действий на поле, что вызывала удивление у самых выдающихся специалистов футбола. С гордостью можно сказать: равному ему не было, и

второго футболиста, который мог бы играть на любой точке зеленого поля так же виртуозно, было не найти.

«Новые грузины» не видели игры А. Гогоберидзе. Но пусть спросят своих дедушек о том, какие чудеса творил на поле этот спортсмен, которого по праву называли совестью и украшением грузинского футбола, рыцарем и джентльменом игры.

Автандил Гогоберидзе, как и неповторимый артист и футбольный комментатор Эроси Манджгаладзе, был идиолом нашего поколения. Мы, дети, играя в футбол, писали на наших майках десятый номер, как ранее наши родители – девятый номер Бориса Пайчадзе, «Карузо футбола», а позже – одиннадцатый номер Михаила Месхи, «Гаринчи с бе-

регов Куры». Сегодня, к сожалению, подростки носят майки с изображениями зарубежных футболистов...

Автандил Гогоберидзе родился и провел детство в Сухуми. Улица, прилегавшая к его дому, стала для мальчишек стадионом. В кармане у парня всегда был тряпичный мяч – в то время кожаный мяч был большой редкостью. Целыми днями Авто играл в футбол со сверстниками из своего района. Виртуозно, удивительной техникой останавливал мяч, стрелой летящий сверху – тот словно приклеивал его к ноге.

«Не было такого приема, такого элемента, которым он блестяще не владел», – сказал мне в свое время Джуба Парулава, его верный друг, много чего рассказавший про Гогоберидзе. Например, о том, как мальчишками все они соперничали друг с другом, соревновались. После одного такого соревнования с Вовой Маргания Баса ударил его по плечу и сказал: «Из тебя выйдет хороший вратарь!» Так и случилось.

Во время Второй мировой войны Гогоберидзе призвали в армию на Северокавказский фронт в Нальчик. В 1943 году он был командирован в Сухуми, где тренер Миша Туркия пригласил его сыграть за местное «Динамо».

В одном из матчей Авто сломал ключицу и попал в госпиталь. После выздоровления его оставили во внутренних войсках, где он прослужил до 1944 года. Позднее направили в тбилисское «Динамо». Гогоберидзе вспоминал, какой теплотой и заботой его сразу окружили футболисты, о которых он знал только по газетам. Он никогда не забывал помощь и поддержку Б. Пайчадзе, М. Бердзенишвили, В. Бережного. Их практические советы, как и наказы тренеров «Динамо» разных лет А. Гальперина, А. Соколова, А. Жордания. М. Якушина стали для него школой футбола.

Гогоберидзе, можно сказать, жил на стадионе и никогда не расставался с мячом. Ночью мяч лежал под его кроватью, и в летние месяцы, бывало, он вскакивал с постели, выбегал из комнаты и при лунном свете повторял новые сложные приемы, которые отработывал днем на тренировке. А на тренировку он выходил, как на игру. Это было законом. Вратари Саная и Маргания помогли ему выработать спокойствие и выдержку.

Известный актер Георгий Гегечкори мне рассказывал: «В городе прошел слух, что в «Динамо» попал юноша неповторимого таланта из Абхазии. Мы, актеры театра Руставели, отправились на стадион посмотреть на него и не поверили своим глазам: красавец-парень играл в великолепный футбол рядом с Борисом Пайчадзе. А рядом с Борисом играть было очень непросто».

Настоящее футбольное крещение Гогоберидзе получил на зарубежном стадионе в октябре 1944 года, во время выступления «Динамо» в Иране. В первом же матче забил два мяча. До середины 1946 года он выступал на позиции крайнего нападающего, но по-настоящему раскрылся, когда стал игроком середины поля (по старой терминологии, «левым инсайдом»). В сезоне 1947 года он выдвинулся в лидеры команды, забив 11 мячей в 24 играх.

После завершения сезона Гогоберидзе был приглашен тренером ЦДКА Борисом Аркадьевым для участия в турне по Чехословакии. Баса сыграл в двух из трех матчах, забив два гола. И в даль-

«Играя за юношескую команду в Сухуми, я смотрел во все глаза на Автандила Гогоберидзе, и мне очень хотелось повторить все его приемы – уходы, финты, обводку, дриблинг».

Никита Симонян, «Футбол – только ли игра?»

нейшем московские команды не раз приглашали его в зарубежные поездки.

Порой расцвета таланта и мастерства Гогоберидзе стали 1950-1953 годы, которые совпали с периодом нового взлета команды. В чемпионате 1950 года Автандил забил 25 мячей – высшее достижение в истории динамовцев. При чем, 13 из них были забиты на полях противников. Эхом этого сезона стало присвоение футболисту звания заслуженного мастера спорта. И он делом подтвердил это почетное звание, став главным бомбардиром чемпионата СССР 1951 года (16

1948 г. Цхалтубо. М. Минаев, М. Бердзенишвили, Б. Пайчадзе, В. Панюков, Г. Гагуа, А. Зазроев, Г. Антадзе; стоят: С. Шудра, А. Хурцидзе, А. Гогоберидзе, В. Гогоадзе, Н. Тодрия, Р. Махарадзе, Г. Джорбенадзе, С. Эркомашвили

1952 г. Москва. М. Джоджуа, К. Гагнидзе, Н. Гагнидзе, В. Элошвили, А. Чкуасели, Ю. Вардимиади, И. Сарджвеладзе, Н. Дзяпшипа, В. Панюков, В. Маргания, А. Гогоберидзе

мячей в 21 игре). А тбилисцы во главе с новым капитаном А. Гогоберидзе тогда уверенно завоевали второе место.

В 1952-м Автандил в составе сборной СССР участвовал в матче с болгарями на Олимпиаде в Финляндии (2:1). А чемпионат 1953 года стал одним из самых драматических в истории тбилисского «Динамо». Команду, можно сказать, силой лишили заслуженного успеха в первенстве.

Тот сезон тбилисцы завершили в Москве, победив местное «Торпедо» со счетом 2:1. И как минимум, обеспечили себе разделение первого места с московским «Спартаком», которому еще предстояла трудная игра в Куйбышеве. О том, что произошло дальше, лучше всех рассказал Михаил Якушин в своей книге «Вечная тайна футбола»:

«Решающий матч чемпионата

«Торпедо» (Москва) – «Динамо» (Тбилиси) я смотрел, сидя на трибуне динамовского стадиона в Москве. Тбилисские футболисты чисто выиграли его со счетом 2:1. В конце игры, однако, на поле выбежали хулиганствующие зрители, выражая недовольство судьей, затем они же проникли в подтрибунное помещение и там продолжали вести себя вызывающе. По существу мы сейчас имеем нарушение правил хозяевам поля за необеспечение порядка на стадионе без лишних слов засчитали бы поражение. Логика требовала сделать то же самое и тогда. Но совершенно неожиданно по протесту «Торпедо», ссылающегося на якобы допущенные в

судействе ошибки, что вообще не должно браться во внимание при рассмотрении апелляции, решили... матч переиграть. Несправедливость была очевидной. Расстроенные тбилисцы уступили в переигровке спустя три дня торпедовцам – 1:4. В итоге команда отстала от московского «Спартака» на два очка и была награждена лишь серебряными медалями».

Я бы добавил одно слово: сознательно уступили. Но это – отдельная история...

Лучшим бомбардиром команды тогда вновь стал Гогоберидзе – 14 голов в 20 играх.

А с 1954 года в команде начался длительный кризис. Ве-

«С именем выдающегося мастера Автандила Гогоберидзе связаны самые отрядные впечатления о джентльменских особенностях грузинского футбола. Это не мудрено: ведь сам он футбольный рыцарь без страха и упрека!.. У темпераментного грузинского капитана выдержка и умение управлять своими нервами на поле были безукоризненными».

Николай Старостин,
«Звезды большого футбола»

тераны заметно сдали. Лишь 32-летний Гогоберидзе по-прежнему играл в полную силу, оставаясь бесспорным лидером команды. Его вновь пригласили в сборную СССР. Он принял участие в матче со сборной Швеции (7:0). Забил гол и в игре с великой сборной Венгрии.

В чем конкретно состоял феномен Гогоберидзе и что являлось его главным игровым «козырем»? Первое, чем привлекал внимание этот универсальный футболист, конечно же, высочайшее мастерство владения мячом. В этом грузинские футболисты, как известно, традиционно сильны, и один из первых здесь, безусловно, Гогоберидзе. Его дриблинг отличался необыкновенной элегантностью и, если можно так выразиться, стилистической законченностью.

Выдающийся грузинский деятель культуры, видный музыковед и педагог, большой знаток спорта Гулбат Торадзе вспоминал интересный эпизод спортивной биографии Гогоберидзе:

«Летом 1956 года Тбилиси

«Эстафету лидера нападения тбилисского «Динамо» из рук Бориса Пайчадзе, образно говоря, принял другой замечательный футболист, Автандил Гогоберидзе, которого все запросто называли Баса. Игрок он был быстрый, техничный, выносливый, умный, я бы даже сказал, остроумный, прежде всего при обводке. Особенно ловко он делал один финт. Обычно у самой линии ворот в пределах штрафной площадки, когда его атаковали, Гогоберидзе быстро убирал мяч под себя, и как только соперник вытягивал ногу, стремясь выбить его, Баса прокидывал мяч низом между ног защитника, рывком выходил вперед и оказывался перед носом у вратаря. Зрелище было чрезвычайно эффектным. Все его в команде уважали. Вот уж про кого можно было без всяких скидок сказать – хороший парень! Иной футболист блеснет в каком-то матче, а потом три игры его вообще не видно. Затем снова всплывет, опять исчезнет... Гогоберидзе хорошо играл постоянно. В этом и есть класс игрока».

Михаил Якушин, «Вечная тайна футбола»

впервые посетил известный бразильский клуб «Атлетика португеза». Тогда имена бразильцев мало, что говорили любителям футбола, ибо до «звездного» для них чемпионата мира 1958 года оставалось еще много времени. Стадион был заполнен лишь наполовину. Но уже на предматчевой тренировке бразильцы вы-

звали восторг трибун виртуозным жонглированием мячом. Какие только «трюки» не демонстрировали они: ногой, головой, коленом, грудью и даже спиной. Создалось впечатление, что гости с легкостью одолеют наших. На деле, однако, игра прошла в равной борьбе и закончилась вничью – 2:2. А главное, в процессе игры

1958 г. Тбилиси. А. Гогоберидзе, С. Котрикадзе, Н. Дзяпшипа, Ш. Яманидзе, Г. Хочолава, А. Чкуасели, Д. Хундадзе, В. Баркая, Т. Мелашвили, А. Котрикадзе, М. Мехси

1960 г. Великобритания. Капитан тбилисского «Динамо» Автандил Гогоберидзе и капитан «Вулверхэмптон Уондерерс» Билл Слейтер

куда-то исчезла феерическая техника бразильцев, которую они показывали на тренировке. И вот примерно на 20-й минуте, когда выяснилось, что противник не так уж и силен, Баса начинает демонстрировать технические приемы, которые показывали бразильцы на разминке, – ногой, головой, грудью и т.д., причем, делал это в движении, устремляясь к воротам противника. Восхищены трибуны и сами бразильцы. Во время перерыва по пути в раздевалку они жмут руку и похлопывают по плечу капитана тбилисцев».

1955-1958 годы были тяжелыми для команды, и одному Богу известно, как сложилась бы ее судьба, если бы не капитан. 1956 год принес моральное удовлетворение тем, что сборная Грузии заняла второе место на футбольном турнире Спартакиады народов СССР. После большого перерыва в тот сезон вновь был составлен список 33 лучших футболистов страны, в который вошел 34-летний Гогоберидзе.

Подъем начался в 1959 году, когда динамовцы завоевали бронзовые медали на чемпионате СССР, и завершился званием чемпионов страны в 1964-м. Это был один из лучших сезонов в длительной спортивной карьере футболиста. Пришедший в команду мудрый А. Жордания вернул ветерана из полузащиты в нападение. 25 июля 1959-го Гогоберидзе блестяще провел матч в Москве со «Спартаком» (5:4), забив победный гол.

Два блестящих футболиста – Автандил Гогоберидзе и Валентин Иванов

Свои пять последних голов Баса забил в чемпионате 1960 года – и все на полях противников! А самый последний гол – во время поездки тбилисского «Динамо» в Англию, в матче с «Вулверхэмптоном». После первых трех матчей чемпионата 1961 года выдающийся грузинский футболист закончил свою славную спортивную карьеру, оставаясь в команде тренером вплоть до 22 июня 1976 года – рокового дня, когда попал в тяжелую автотаварию и оказался навсегда прикованным к постели. Автандил Николаевич Гогоберидзе скончался 20 ноября 1980 года. В последний путь его проводили со стадиона «Динамо».

В 2002 году, к 80-летию со дня рождения легендарного футболиста, известный скульптор, лауреат государственной премии им. Шота Руставели Гия Джаридзе сделал подарок любителям футбола.

Бюст А. Гогоберидзе его работы установили на стадионе имени Б. Пайчадзе. А на фасаде дома, где жил футболист, была открыта мемориальная доска. В эти же дни новой спортивной базе сборной Грузии присвоили его имя.

А почему великого футболиста многие называли «Баса»? Этот вопрос долго оставался без ответа. Но двадцать лет назад, работая над книгой о Гогоберидзе, я встречался с некоторыми из его друзей. Один из них рассказал, что однажды в школьные годы, возвращаясь домой, они с одноклассниками проходили мимо овощной базы. Авто, прочитав вывеску, в слове «база» вместо «з» произнес «с» – накануне ему удалили гланды, и разговаривать было трудно. Ребята стали подшучивать: «Баса, баса, баса!» И, как это часто бывает, прозвище так и осталось на всю жизнь.

Баса был идеалом всех грузинских спортсменов. Он был поэтом, певцом, скульптором, художником футбола, смыслом жизни которого было строить, а не наслаждаться построенным. Но какой парадокс – он завершил свою долгую спортивную карьеру так и не став чемпионом СССР и обладателем Кубка СССР – как и Борис Пайчадзе, Гайоз Дджеджева, Муртаз Хурцилава, Реваз Дзодзуашвили, многие другие знаменитые грузинские футболисты. И все равно Автандил Гогоберидзе стал настоящей жемужиной отечественного футбола, его душой, сердцем, движущей силой. Его имя навсегда внесено золотыми буквами в летопись грузинского спорта.

«Красивый мужчина, рослый, тонкий в талии, как танцор, он и на поле был красив. Его образ не искажала безостановочная, тяжелая футбольная работа, на которую он себя обрек. Наверное, так было еще и потому, что он ее сам добровольно выбрал, любил и был горд, что способен с ней справиться. Он был прямым предтечей нынешних звезд из числа игроков середины поля. Он не знал устали в перемещениях, и ни одна атака не обходилась без него, он просто не мог к ней опоздать, тут уж дело чести. Красота движений в футболе – понятие не отвлеченное, ее создает и высвечивает разумность, целесообразность того, что делается, рывок ли это, наклон, шаг в сторону для отвода глаз, прыжок. Гогоберидзе был из тех, кого называют умными игроками, и выше похвалы не существует, футбол в этом смысле подчинен измерениям, понятным любому из нас, берущихся его оценивать. Человек, справляющийся с делом красиво, умно, с видимой легкостью, прославляет не одного себя, а и само дело. Такие встречаются не часто. Оттого Гогоберидзе и было дано предвосхитить игру тбилисцев на годы вперед, стать игроком-явлением».

Лев Филатов, «Форварды»

О ЧЕМ НАПОМНИЛ СЕНТЯБРЬ

— Владимир ТАВАДЗЕ

Нынешний сентябрь богат на юбилеи. Он помогает вспомнить знаменательные события прошлого и позапрошлого веков в двух крупнейших городах Грузии. События, ставшие вехами истории страны, сыгравшие значительную роль в развитии ее культуры, искусства и медицины. А некоторые из них имели и международное значение.

Одно из этих событий — печальная страница истории: 115 лет назад страна провожает в последний путь своего великого сына — выдающегося литератора, публициста, борца за национальную независимость Илью Чавчавадзе. Он был убит в августе 1907-го на пути из Тифлиса в свое имение в Сагурамо. Близ села Цицамури его с женой поджидали вооруженные люди. «Я Илья, не стреляйте», — обратился к ним Чавчавадзе. «Именно потому, что ты Илья, мы и должны стрелять», — последовал ответ.

В многочисленных исследованиях грузинских криминалистов, историков и врачей отмечается: в Илью стреляли не спереди, как было указано в акте вскрытия, а сзади. То есть, выстрел не мог произойти со стороны остановивших писателя. Он был сделан из второй засады, о которой не знали даже сами бандиты. И, несмотря на то, что убийство у села Цицамури до сих пор не раскрыто, в исторической науке распространена версия о том, что за этим преступлением стояли большевики.

Тогда в Грузии шла ожесточенная борьба между социал-демократами во главе с большевиком Филиппом Махарадзе и демократами-националистами под руководством Ильи. Его открытая критика программы большевиков серьезно подрывала их политические позиции. Он сумел заинтересовать простых людей и, особенно, крестьян идеями национальных демократов. Так что, его огромная популярность могла послужить главной причиной политического убийства.

Похороны Чавчавадзе стали днями общенациональной скорби, 9 сентября 1907 года тысячи людей провожали из Сагурамо в Тифлис катафалк с его телом. Многотысячное шествие по тифлисским улицам завершилось на склоне горы Мтацминда. Другой великий поэт — Акакий Церетели произнес над могилой Ильи речь о его огромной роли в возрождении грузинской речи, культуры и объединении нации, назвал его жизнь примером для всех будущих поколений. В Грузии Чавчавадзе называют отцом нации. В 1987 году Грузинская Православная Церковь канонизировала его как Илию Праведного.

А имя Акакия Церетели особенно звучит в нынешнем сентябре не только в связи с похоронами Ильи. Оно связано и с кинокартиной, которую многие специалисты считают первой полнометражной документальной не только в Грузии, но и во всем мире. 110 лет назад создан

Похороны И. Чавчавадзе

фильм «Путешествие Акакия Церетели в Рача-Лечхуми», с которого берет начало грузинский национальный кинематограф.

Его сценарист, режиссер и оператор, кутаисец Васил Амашукели, еще гимназистом «околдованный» первым в истории кинофильмом братьев Люмьер, в 16 лет отправляется в Москву. Учиться снимать кино. Окончив курсы московского отделения французской кинофирмы «Гомон», он приезжает в Баку к старшему брату Мамуке, который работает там в грузинском драматическом театре.

Через два года после этого Амашукели возвращается в родной Кутаис, где общественные деятели Павлэ Меписашвили и Тихон Асатиани открывают кинотеатр «Радиум». Васил своими руками монтирует в нем всю аппаратуру и работает киномехаником. Продолжает снимать и показывать сюжеты — о храме Баграта, о Хонской шелководческой фабрике, о юбилее Ладо Месхишвили. Время не пощадило их, зато сохранилось «Путешествие Акакия Церетели в Рача-Лечхуми». Фильм был снят, когда Амашукели сопровождал поэта в поездке с 21 июля по 2 августа 1912 года.

Были запечатлены все значительные эпизоды. Удалось не только показать всенародную любовь к Акакию, но и продемонстрировать уклад городской и сельской жизни, традиции и природу Грузии. Сам Церетели тоже

участвовал в создании фильма – помогал Василу найти наиболее интересные детали, а тот применял редкие для того времени горизонтальные и вертикальные панорамы, параллельный монтаж.

Впервые зрители увидели картину 30 сентября 1912 года в кутаисском кинотеатре «Радийум». Среди них был и сам Церетели. Фильм показывали еще две недели при переполненном зале, а потом представили в Тифлисе, Москве, Стамбуле и Харбине. Сейчас каждая зарубежная ретроспектива грузинского кино начинается именно с этой картины, «дебютировавшей» 110 лет назад.

А 130 лет назад, в сентябре 1892 года в Тифлисе родился писатель Максим Горький. Именно так, и не надо никаких сомнений. За 24 года до этого в Нижнем Новгороде появился на свет сын столяра и мещанки Алексей Пешков. Долгие и сложные пути-дороги в 1891-м приводят его в столицу Грузии. Там он работает в Закавказских железнодорожных мастерских, участвует в просветительских и антиправительственных кружках.

Его старший товарищ, народовец Александр Калюжный вспоминал, что Пешков «очень много нам рассказывал о том, что ему приходилось увидеть. У него была изумительная художественная память и, несмотря на возраст, колоссальный опыт... И тогда я говорил, что с таким опытом нельзя не писать. Впрочем, он и сам знал это. Он только искал себя, искал Горького. Уже

Номер газеты с дебютным рассказом М. Горького

ко мне он пришел с какими-то тетрадками, в которых были его заметки... «И откуда у меня это желание, – говорил тогда он, – все выдумывать, выдумывать, выдумывать»».

Поселившись у Калюжного, молодой человек пишет рассказ «Макар Чудра». И Калюжный относит текст в газету «Кавказ», где фельетонистом работает его хороший знакомый. Тот проникается расположением к автору, обещает напечатать его и сдерживает слово. Алексей выбирает себе псевдоним Максим Горький («Не писать же мне в литературе – Пешков»), и под этим именем в мировой литературе уже 130 лет живет писатель, о котором есть различные мнения, но талант которого бесспорен.

Вообще-то, Горький считается чуть ли не рекордсменом по псевдонимам среди русских писателей. Иегудиил Хламида, Н. Х. (Некто икс), Дваге, (два Г), Самокритик Словотеков, Метранпаж Горячкин, Инвалид муз, Осип Тиховоев, Аристид Балык, Василий Сизов... Но в историю он вошел под именем, которое родилось в Тифлисе. Кстати, в этом году 130-летний юбилей и у его первой поэмы-сказки «Девушка и смерть», также сочиненной в грузинской столице.

Еще один сентябрьский юбилей – 120-летие закладки фундамента для Народного дома в Тифлисе. Это делают четыре брата – Степан, Яков, Петр и Лев из семьи нефтепромышленников Зубалашвили. Их отец-гориец Константин в 1872 году покупает участок земли в поселке Биби-Эйбат близ Баку, на котором обнаруживается мощная нефтеносная жила. И Зубалашвили становятся одной из богатейших семей Южного Кавказа.

В 1901-м Константин Зубалашвили, широко занимавшийся благотворительностью, умирает, и в память о нем сыновья основывают Народный дом его имени. Они объявляют конкурс на самый интересный проект и первую премию в 500 рублей получает известный Санкт-Петербургский архитектор Степан Кричинский. Вторую в размере 300 рублей – тифлисский зодчий Газар Саргсян, автор зданий для Торговых рядов, Торговой школы, жилых и доходных домов еще одного

В. Амашукели и А. Церетели в фильме «Путешествие...»

миллионера-мецената – Александра Манташева.

Слово – члену городской Управы князю Николаю Аргунинскому-Долгорукову: «Мысль о постройке в Тифлисе путем добровольных пожертвований и с помощью ипотечного кредита хоть небольшого народного дома зародилась впервые в 1900 г. среди членов Общества народных чтений... Образовался комитет по постройке народного дома... В следующем 1901 г. сумма сбора возросла до 17000 тыс. рублей.

В это время умирает в Тифлисе известный богач и благотворитель Константин Яковлевич Зубалов. Вскорости, после смерти последнего, наследники покойного задумались пожертвовать в память отца крупную сумму на учреждение в Тифлисе хорошо обставленного и вполне оборудованного народного дома имени покойного. Обрадованный таким неожиданным сюрпризом, Комитет приостановил дальнейшую свою деятельность...»

Официально братья передают Народный дом во владение Тифлиса в 1908 году. Но уже с начала 1907 года в нем «читались при огромном стечении публики лекции, организованные «Обществом Народных университетов», а иногда ставились театральные представления как драматические, так и оперные». Вот вам и еще один юбилей нынешнего года – 115-летие фактического начала работы Народного дома. О том, чье имя он носил, напоминала огромная надпись на его фасаде. «Народный театр, – говорил Степан Зубалашвили, – то

Мухранская улица Тифлиса в 1930-х гг.

же, что и школа, и храм. В народном доме будет не только театр, но и библиотека, и бесплатная чайная».

Так и произошло. В здании, постройка и оборудование которого вместе с покупкой земли обошлись братьям в 350 тысяч рублей золотом, действовал театральный зал на 630 мест с передовой машинерией, которыми, кроме грузинской труппы, пользовались девять театральных трупп на разных языках, Мусульманское драматическое Общество, Русский и Украинский драматические кружки, Армянская драматическая секция. Билеты сюда были намного дешевле, чем в остальных театрах, и горожане назвали это место «дешевый театр». А еще здесь была библиотека с читальным залом на 200 человек, хранилищем древних рукописей и бесплатным чайным залом.

Следы благотворительной деятельности семьи Зубалашвили можно увидеть в Тбилиси и Париже, Москве и Берне, Батуми и Бари... А от подмосковного города Одинцово в район знаменитой сегодня Рублевки ведет Красноросское шоссе, которое в прошлом именовалось Зубаловским. Оно проложено Львом Зубалашвили к своему поместью Зубалово на высокой горе над речкой Медвенкой. В поместье три дома из четырех напоминают средневековые замки, трехметровый кирпичный забор увенчан угловыми башнями, за массивными воротами – несколько выходов...

Знал бы Лев Константинович, что именно это сходство с неприступной крепостью привлечет сюда «верхушку» тех, кто разрушил жизнь его семьи! В 1919 году усадьбу облюбовал сам товарищ Сталин. Постепенно, на летний отдых, а потом на постоянное жительство сюда перебрались Ворошилов, Бухарин, Микоян, Карахан... Вождь покинул Зубалово в 1932 году, после самоубийства жены. А в предвоенные годы там жили его дочь Светлана с няней, и ее дед и бабушка Аллилуевы. Сегодня бывшая усадьба тифлисского миллионера – комплекс строго охраняемых правительственных резиденций РФ.

Ну, а Народный дом имени К.Я. Зубалова просуществовал до установления в Грузии советской власти и затем был переименован в Рабочий клуб. В 1930-м в его стенах поселился 2-й Государственный драматический театр, за пару лет до этого основанный в Кутаиси великим Котэ Марджанишвили. После смерти этого режиссера в 1933 году театр все в том же здании носит его имя.

А 155 лет назад в Тифлисе было создано примечательное медицинское учреждение. Через два года после открытия в 1865 году первой муниципальной больницы в Грузии – Михайловской, обслуживавшей весь Южный Кавказ, на доме № 9 по Мухранской (ныне Бараташвили) улице появилась вывеска «Городская центральная лечебница».

«Городская лечебница учреждена гражданами г. Тифлиса в

1867 году в память 4 апреля 1866 года», – сообщает «Кавказский календарь». Это дата спасения императора Александра II во время первого в России революционно-террористического акта, совершенного Дмитрием Каракозовым. Напомним: в то время лечебница отличалась от больницы тем, что в ней практически не была стационара. И с 1880 года эта лечебница обслуживала только приходящих больных.

А больных этих насчитывалось немало, и далеко не у всех были деньги на лечение. Вот данные из того же «Кавказского календаря» за один только год: «В 1883 г. в лечебницу обращались за медицинским советом и пособием новых больных 5.922 человека и оставшихся с прошлого года – 585. Ими в течение года сделано, в совокупности, 13.377 посещений, из коих допущены бесплатно 7.969 и 5.408 оплачены 30 коп. сбором»

Лечебница имела отделения: Авлабарское на Кахетинской улице № 14 (ныне – проспект Кетеван Цамебули), Харпукское на Воронцовской улице № 55 (сегодня – Горгасали), Кукийское на Черкизовской улице № 38. (теперь – Читая), Дидубийское на Сагурамской (сейчас – Славы Метревели) улице № 5. Последнее из них открыто в 1904-м.

А больных венерическими болезнями отсылали для лечения в амбулаторию, открытую в 1907 году при Александровской больнице на Великокняжеской улице № 102 (сегодня – Медицинский центр имени Аладашвили на улице Узнадзе). Так, что из перечисленных дат можно сделать вывод: тифлисская Городская центральная лечебница помогала страждущим, как минимум, до второго десятилетия XX века.

Здание ее, естественно, не сохранилось – на фотографии 1930-х годов, которую мы смогли отыскать, тогдашняя Мухранская ничем не напоминает нынешнюю широченную улицу Бараташвили. Но если приглядеться, то будет ясно: последний дом, различимый по правой стороне, и есть тот самый № 9...

Таковы пять сентябрьских дат, отмечающих в календаре вехи пути, пройденного страной.

ОПАЛЕННЫЕ ОГНЕМ, УВЕНЧАННЫЕ СЛАВОЙ

В сентябре 1939 года началась
и в сентябре 1945-го окончилась
Вторая мировая война

■ **Борис ШАХНАЗАРОВ**

Пятиконечная звезда на ленте цвета пламени и пороха. Солдатский орден Славы. Право на него имели только солдаты и сержанты (в авиации – и младшие лейтенанты). К концу войны на груди сотен тысяч воинов сверкала эта серебряная звездочка. Десятки тысяч бойцов стали кавалерами двух орденов Славы. Храбрейшие из храбрых отмечены и третьим золотым знаком солдатской доблести.

Сколько воинов из Грузии стали кавалерами ордена Славы всех трех степеней? Ответ на этот вопрос мне в свое время дал полковник в отставке Мосэ (Моисей) Мдинарадзе, до последних дней жизни возглавлявший Тбилисский городской совет ветеранов войны, труда и Вооруженных сил Грузии. Он передал список девяти полных кавалеров ордена Славы из Грузии. Это – младший сержант Григорий Коккозашвили, старшина Реваз Махароблидзе, гвардии старшина Илья Сепиашвили, сержант Георгий Мтирелишвили, гвардии старший сержант Иродион Цулая, старший сержант Иван Гзиришвили, сержант Константин Датунашвили, рядовой Ной Думбадзе.

Дорогой ценой досталась Победа кавалерам ордена Славы.

На поле боя пал К. Датунашвили. Тяжелые раны, полученные в боях, сделали инвалидом Р. Махароблидзе.

Кавалером ордена Славы трех степеней стал и тбилисец Мурман Джапаридзе (1925-1983), разведчик, гвардии старший сержант 167-го гвардейского легкого артиллерийского полка 1-й гвардейской дивизии 1-го Украинского фронта.

Мы познакомились в 60-е годы минувшего столетия, много общались. В последние годы жизни он болел – сказались тяжелые ранения. Но и в поединке с болезнью он оставался солдатом, до последнего дня находил в себе силы, чтобы встретиться и побеседовать со школьниками, студентами, деятелями науки и культуры и, конечно, с однополчанами.

Мурман Джапаридзе ушел из жизни в 58 лет. Мог сделать больше, но сделал, что успел, что смог.

Всем нам дорога память о герое, чей подвиг в годы войны стал частью общей Победы над фашизмом. Много уходит в небытие. Но только не те 1418 дней Великой Отечественной...

Публикуем часть беседы, которая состоялась в 1970 году

и бережно хранилась в архиве автора этих строк. Ведь каждое слово героя-фронтовика не имеет срока давности и является заветным сокровищем сегодняшнему молодому поколению.

– Мурман Давидович, как начались ваши военные пути-дороги?

– В сентябре 1943-го призвали в армию, а в боях участвовал с 1944 года. Трудно пришлось мне в первом своем бою, при освобождении Тернополя. Немцы превратили этот город в крупный узел обороны, сражались до последнего патрона. Находясь в разведке, я смог обнаружить штаб пехоты батальона противника, наблюдательный пункт и два пулемета. По радиации передал нашим их месторасположение, корректировал огонь. Потом принял участие в штурме Тернополя.

– Как в дальнейшем складывался ваш боевой путь?

– В августе 1944 года сражался северо-западнее польского города Сандомир. На Сандомирском плацдарме – оперативном плацдарме советских войск на левом берегу реки Висла – шли тяжелые бои. Обороняя с ручным пулеметом подступы к ору-

дию, я скошил восемь вражеских солдат. Потом, отражая девять атак в составе батареи, вывел из строя еще свыше десяти фашистов. За участие в этих боях был награжден орденом Славы III и II степеней.

В начале января 1945 году при прорыве обороны врага недалеко от польского города Сташув был в разведке боем, там командиру нашего дивизиона гвардии капитану Сергею Нынику автоматная очередь прошла обе ноги. Я взвалил его себе на спину и пополз. Стало жарко, сбросил шинель, рядом с нами тяжело плюхнулась мина, но, к счастью, не разорвалась... Когда мы добрались до проволочного заграждения, враг открыл перекрестный огонь. Я переждал, осмотрелся, выбрал место, где огня поменьше, и, наконец, дотасчил Ныника до своих окопов. Пехотинцы дали нам санки с собаками, и я отвез капитана в санчасть. За участие в этом бою и вынос раненого командира через минное поле в укрытие был удостоен ордена Славы I степени. Повысили и воинское звание – я стал гвардии старшим сержантом.

– С кем из полных кавалеров ордена Славы вы были знакомы?

– С тбилисцем Григорием Кокозашвили. Он с первых дней войны находился в действующей армии, прошел путь от Северного Кавказа до Германии. Помню, он рассказывал о сражениях в Берлине. В ночь на 1-е мая 1945 года бои шли за каждую улицу, за каждый дом. Руководить артиллерийским расчетом после ранения командира поручили Кокозашви-

ли. Из окон соседнего здания, преграждая путь пехоте, непрерывно палили пулеметы противника. По ним, развернувшись, орудие Кокозашвили, произвело три метких выстрела, и пехота пошла в наступление. За этот бой Григория наградили орденом Славы I степени. После войны он работал на Тбилисском машиностроительном заводе имени 26 комиссаров, потом – продолжил трудиться на паровозо-вагоноремонтном заводе им. И. Сталина. С должности сменного мастера литейно-кузнечного цеха вышел на пенсию.

– Насколько нам известно, список девяти полных кавалеров ордена Славы из Грузии пополнился...

– Да. Десятым героем оказался уроженец села Делиска Ахалкалакского района Агаси Гочоян. Боевое крещение он получил в Сталинградской битве. В январе 1945 года на территории Польши, при отражении контратаки противника, вынес с поля боя раненого командира батальона и был награжден орденом Славы I степени. После войны работал в Тбилиси в органах МВД Грузии. В течение пяти лет был народным заседателем Верховного суда Грузии.

– Чем дальше от нас уходят героические годы, тем сложнее докопаться до истины, труднее найти героя войны. Несмотря на сложности, вы разыскали и одиннадцатого полного кавалера солдатского ордена. Кто он?

– Уроженец села Эки (Самегрело-Верхняя Сванети), развед-

чик 920-го саперного батальона рядовой Александр Давитая. В ходе Львовско-Сандомирской операции наш соотечественник обеспечил наступление советских войск: разведал и разминировал свыше 200 километров дорог, 30 мостов, 4 переправы.

– В 1970 году более трехсот полных кавалеров ордена Славы приняли участие в Все-союзной встрече в Москве. Вы представляли Грузию...

– На первой встрече мы встретились с Маршалами Советского Союза А. Василевским, А. Гречко, Н. Крыловым и другими военачальниками. Состоялась встреча и в редакции журнала «Огонек». Один за другим гости поднимались на трибуну, я рассказал о том бое, когда вынес с минного поля раненого командира. Стоило мне только заговорить о разведке и разведчиках, как гости «Огонька» стали вспоминать случаи, связанные с этой опасной, овечьей романтикой фронтовой работе. Известный фотомастер, корреспондент «Огонька» Анатолий Бочинин сфотографировал всех нас. Дорогой для меня снимок хранится в домашнем альбоме.

– Чем вы занимались в послевоенную пору?

– Окончил Тбилисский государственный педагогический институт. Работал преподавателем в средней школе. Потом возглавил детскую исправительную колонию, откуда позже перешел в Управление внутренних дел Тбилиси. В звании подполковника милиции уволился в запас.

თბილისის ა.ს. გრიბოედოვის სახელობის სახელმწიფო აკადემიური რუსული დრამატული თეატრი
Тбилисский государственный академический русский драматический театр им. А.С. Грибоедова

სეზონი 177
СЕЗОН 177

სექტემბერი-ოქტომბერი 2022
СЕНТЯБРЬ-ОКТАБРЬ 2022

	<p>პრემიერა რეზო გაბრიადზე რას სევდაა საივანის ბოლოს... ტრაგიკომედია დამდგმული რეჟისორი ანდრო ენუკიძე</p>	<p>პრემიერა РЕЗО ГАБРИАДЗЕ КАКАЯ ГРУСТЬ! КОНЕЦ АЛЛЕИ... Трагикомедия Режиссер-постановщик АНДРО ЕНУКИДЗЕ</p>	<p>23.09, 24.09, 08.10, 23.10</p>
--	--	---	-----------------------------------

სექტემბერი			СЕНТЯБРЬ		
23	პარ. შტ.	რ. გაბრიადზე Р. Габриадзе 18.00	რას სევდაა საივანის ბოლოს... ტრაგიკომედია (დიდი დარბაზი)	КАКАЯ ГРУСТЬ! КОНЕЦ АЛЛЕИ... Трагикомедия (Большой зал)	
24	შაბ. ცხ.	რ. გაბრიადზე Р. Габриадзе 18.00	რას სევდაა საივანის ბოლოს... ტრაგიკომედია (დიდი დარბაზი)	КАКАЯ ГРУСТЬ! КОНЕЦ АЛЛЕИ... Трагикомедия (Большой зал)	
25	კვ. ვკ.	ა. ლინდგრენი А. Линдгрენ 12.00	კარლსონის თავგადასავალი მუსიკალური წარმოდგენა (მცირე დარბაზი)	ПРИКЛЮЧЕНИЯ КАРЛСОНА Музыкальное представление (Малый зал)	
29	ხუთშ. ყტ.	ი. ბუნინი И. Бунин 18.00	სიყვარულის საივანები საბუდისწერო ისტორიები (დიდი დარბაზი)	АЛЛЕИ ЛЮБВИ Роковые истории (Большой зал)	
30	პარ. შტ.	ა. ვარსიმაშვილი А. Варсимашвили 18.00	ალჰირი დოკუმენტური დრამა (მცირე დარბაზი)	А.Л.Ж.И.Р. Документальная драма (Малый зал)	
ოქტომბერი			ОКТАБРЬ		
1, 2	შაბ. ცხ. კვ. ვკ.	ს. მროვეცი С. Мрожек 18.00	ემიგრანტები კომედია (მცირე დარბაზი)	ЭМИГРАНТЫ Комедия (Малый зал)	
2	კვ. ვკ.	ჰ. ანდერსენი Г.Х. Андерсен 12.00	ნაფცა მუსიკალური წარმოდგენა (დიდი დარბაზი)	ЛЮИМОВОЧКА Музыкальное представление (Большой зал)	
7	პარ. შტ.	ი. ვილკვისტი И. Вилквист 18.00	ჰელვერის ღამე დრამა (დიდი დარბაზი)	НОЧЬ ГЕЛЬВЕРА Драма (Большой зал)	
8	შაბ. ცხ.	რ. გაბრიადზე Р. Габриадзе 18.00	რას სევდაა საივანის ბოლოს... ტრაგიკომედია (დიდი დარბაზი)	КАКАЯ ГРУСТЬ! КОНЕЦ АЛЛЕИ... Трагикомедия (Большой зал)	
9	კვ. ვკ.	ა. გრინი А. Грин 12.00	ალისფარი იაღქნები მუსიკალური ზღაპარი (მცირე დარბაზი)	АЛЫЕ ПАРУСА Музыкальная сказка (Малый зал)	
9	კვ. ვკ.	ს. მროვეცი С. Мрожек 18.00	ემიგრანტები კომედია (მცირე დარბაზი)	ЭМИГРАНТЫ Комедия (Малый зал)	
14	პარ. შტ.	ი. ბუნინი И. Бунин 18.00	სიყვარულის საივანები საბუდისწერო ისტორიები (დიდი დარბაზი)	АЛЛЕИ ЛЮБВИ Роковые истории (Большой зал)	
15	შაბ. ცხ.	ა. ვარსიმაშვილი А. Варсимашвили 18.00	ალჰირი დოკუმენტური დრამა (მცირე დარბაზი)	А.Л.Ж.И.Р. Документальная драма (Малый зал)	
16	კვ. ვკ.	რ. კიპლინგი Р. Киплинг 12.00	მაუგლი მუსიკალური წარმოდგენა (დიდი დარბაზი)	МАУГЛИ Музыкальное представление (Большой зал)	
21	პარ. შტ.	ს. მროვეცი С. Мрожек 18.00	ემიგრანტები კომედია (მცირე დარბაზი)	ЭМИГРАНТЫ Комедия (Малый зал)	
22	შაბ. ცხ.	ნ. გოგოლი Н. Гоголь 18.00	ჰინელი ფერია (დიდი დარბაზი)	ПИНЕЛЬ Феерия (Большой зал)	
23	კვ. ვკ.	ს. აქსაკოვი С. Аксаков 12.00	ალისფარი ყვავილი მუსიკალური ზღაპარი (მცირე დარბაზი)	АЛЕНЬКИЙ ЦВЕТОЧЕК Музыкальная сказка (Малый зал)	
23	კვ. ვკ.	რ. გაბრიადზე Р. Габриадзе 18.00	რას სევდაა საივანის ბოლოს... ტრაგიკომედია (დიდი დარბაზი)	КАКАЯ ГРУСТЬ! КОНЕЦ АЛЛЕИ... Трагикомедия (Большой зал)	
28	პარ. შტ.	ა. ჩეხოვი А. Чехов 18.00	ძია ვანია დრამა (მცირე დარბაზი)	ДЯДЯ ВАНЯ Драма (Малый зал)	
29	შაბ. ცხ.	ი. ბუნინი И. Бунин 18.00	სიყვარულის საივანები საბუდისწერო ისტორიები (დიდი დარბაზი)	АЛЛЕИ ЛЮБВИ Роковые истории (Большой зал)	
30	კვ. ვკ.	ა. გრინი А. Грин 12.00	ალისფარი იაღქნები მუსიკალური ზღაპარი (მცირე დარბაზი)	АЛЫЕ ПАРУСА Музыкальная сказка (Малый зал)	
30	კვ. ვკ.	ა. ჩეხოვი А. Чехов 18.00	ძია ვანია დრამა (მცირე დარბაზი)	ДЯДЯ ВАНЯ Драма (Малый зал)	

www.griboedovtheatre.ge
www.biletebi.ge

ცნობები ტელეფონზე:
Справки по телефонам: 2-93-11-06, 2-93-43-36

თეატრის სამხატვრო ხელმძღვანელი ავთანდილ ვარსიმაშვილი
სახელმწიფო პრემიის ლაურეატი, კოტე მარჯანიშვილის სახ. პრემიის ლაურეატი
Художественный руководитель театра АВТАНДИЛ ВАРСИМАШВИЛИ
лауреат Государственной премии Грузии, лауреат премии им. К. Марджанишвили

Фото Серго Эдишерашвили